

Анатомия любви

Автор:

[Дана Шварц](#)

Анатомия любви

Дана Шварц

Хроники Young Adult

Джек Каррер – воскрешатель, который пытается выжить в городе, в котором так легко умереть.

Когда молодые люди сталкиваются у королевского Анатомического общества, Хейзел не придает этому большого значения. Но после того как ее выгоняют с лекции прославленного хирурга доктора Бичема, она понимает, что ее новый знакомый может оказаться гораздо полезнее, чем она думала. А все дело в сделке, которую Хейзел заключила с преподавателем: если она сама подготовится и сдаст экзамен, он позволит ей продолжить свою медицинскую карьеру. Ее не допускают до занятий, так что девушке понадобятся книги, а еще – тела для практического изучения.

Как удачно, что теперь она знает того, кто профессионально выкапывает трупы.

Но у Джека есть свои причины для беспокойства: странные люди слоняются по кладбищам, его друзья исчезают прямо с улиц, а римская лихорадка, выкосившая тысячи жизней еще несколько лет назад, возвращается в город. И никого все это, кажется, не волнует. Разве что кроме Хейзел.

Теперь Хейзел и Джеку предстоит работать вместе, чтобы раскрыть секреты, похороненные не просто в безымянных могилах, а в самом сердце эдинбургского общества.

Дана Шварц

Анатомия любви

Dana Schwartz

ANATOMY: A LOVE STORY

Печатается с разрешения литературных агентств Sanford J. Greenburger Assoc., Inc. и Andrew Nurnberg

Copyright © 2021 by Sidley Park

© Меньшакова И., перевод на русский язык

© Designed by Devan Norman

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Иану, которому принадлежит мое сердце

Взявшись изучать основы жизни, следует сперва обратить свой взор на то, что скрывает смерть.

– Мери Уоллстонкрафт Шелли, «Франкенштейн»

Пролог

– Шевелись!

– Я копаю изо всех сил, Дэйви.

– Я копаю изо всех сил, Дэйви.

– Значит, напрягись еще чуток.

Ночь выдалась почти безлунная, поэтому Дэйви, стоящему в сырой от росы траве, не было видно, как Мунро, раскапывающий в этот момент могилу, раздраженно закатил глаза. На этот раз времени ушло заметно больше – деревянная лопата, которую Мунро удалось стащить с заднего двора гостиницы в Фербенксе, была меньше, чем металлическая, с которой он принялся за работу этой ночью. Но в то же время от нее было не так много шума, и это решало дело. С тех пор, как на Торнхилльском кладбище появился сторож, чтобы охранять могилы, тишина стала необходимым условием. Уже трех их приятелей загребли сторожа, и теперь на них повесили неподъемные штрафы. С тех пор Дейви больше на улицах их не видел.

Что-то было не так. Дэйви никак не мог сообразить, что именно, но что-то нынешней ночью казалось неправильным. Может быть, все дело в воздухе. Густой дым, стелющийся над Старым городом Эдинбурга, всегда был непроглядным, пропитанным запахами прогорклого масла, табака и отвратительной смеси нечистот с мусором, от которых состоятельные жители сбежали в новый район с прекрасными особняками, выросший у подножия холма, по ту сторону Садов Принцесс-стрит[1 - Princes Street Gardens (в пер. с англ. – «Сады Принцесс-стрит») – городской парк в центре Эдинбурга (Шотландия). Располагается в центре города, занимая низину между Старым и Новым городом.]. Нынешняя ночь была безветренной.

Дэйви не стал ничего говорить Мунро о возникших странных предчувствиях. Мунро просто посмеялся бы над ним. «Ты здесь вообще-то стоишь на шухере, а не ощущения перебираешь», – сказал бы Мунро.

Вдалеке Дэйви различал огонек одинокой свечи, горящей в окне домика приходского священника. Священник не спал. Мог ли он заметить движения в темноте кладбища с такого расстояния? Скорее всего, нет, но что, если ему внезапно пришло бы в голову прогуляться перед сном?

– Ты там не можешь хоть чуть-чуть побыстрее? – прошептал Дэйви.

В ответ раздался звук, который не перепутаешь ни с чем, стук дерева о дерево. Мунро добрался до гроба. Перед следующим этапом мальчишки затаили дыхание: Мунро поднял лопату и с силой опустил ее вниз. Дэйви поморщился от треска, с которым сломалась крышка. Они замерли в ожидании криков или лая собак, но было тихо.

– Бросай веревку, – окликнул приятеля Мунро. Дэйви сделал, как было велено, и Мунро опытной рукой за пару мгновений затянул ее на шее трупа. – Теперь тяни.

Пока Дэйви тянул веревку, Мунро, все еще стоящий в могиле, направлял движение тела сквозь небольшой пролом в крышке гроба назад, в мир живых, словно помогал телу, прошедшему через смерть, в его странном, извращенном рождении. Мунро удалось снять с трупа башмаки и кинуть их назад в гроб, но Дэйви пришлось избавить тело от остальной одежды и отправить ее к башмакам в могилу. Кража тел, само собой, тоже была противозаконна, но если бы они взяли из могилы хоть какие-то вещи, то это было бы уже уголовным преступлением.

Тело оказалось женским, как Дженет им и говорила. Дженет шпионила для того воскрешателя, который лучше платил ей на этой неделе, пробиралась на похороны и отиралась как можно ближе к гробу, чтобы убедиться, что покойника не спрятали за дорогой каменной крышкой, уберегая от того самого преступления, которое они сейчас совершали.

– Ни могильной клетки[2 - Могильные клетки, или мортсейфы, – приспособления для защиты от доступа к месту захоронения на кладбищах и погостах. Начали

изготавливаться в Великобритании для защиты от похитителей трупов, кладбищенских мародеров.], ни семьи, – завершила Дженет, стоя в дверях каморки Мунро в Мясницком тупике, почесывая шею и ухмыляясь ему из-за завесы медных кудрей. Вряд ли Дженет было больше четырнадцати, но у нее уже не хватало заметного количества зубов. – Или всяко семейка так себе. И гроб на вид дешевка. Сосна или вроде того.

– Не беременна, случаем? – спросил Мунро с надеждой, приподняв брови.

Докторам так нужны были для вскрытий тела беременных женщин, что они готовы были платить вдвое больше. Дженет покачала головой и протянула руку за деньгами. Как только на город опустилась тьма, Мунро и Дэйви отправились в путь, погрузив в свою тачку лопаты и веревку.

Дэйви отводил взгляд, стягивая с трупа потрепанное серое платье. В темноте ночи он чувствовал, как пылают щеки. Никогда прежде ему не доводилось раздевать живую женщину, но он уже сбился со счета, припоминая, сколько раз избавлял от одежды тех, кого едва успели похоронить. Взгляд его скользнул по надгробию, наполовину скрытому тьмой и грязью: Пенелопа Харкнесс. «Спасибо тебе за восемь гиней, Пенелопа Харкнесс», – подумал он.

– Кидай сюда, – скомандовал Мунро снизу. Дэйви швырнул ему платье. Как только одежда женщины вернулась в ее пустой гроб, Мунро вылез из могилы на сырую траву. – Лады, – выдохнул он, отряхивая ладони от земли. – Давай закапывать и убираться отсюда.

Мунро ни за что бы не признался, но он тоже чувствовал нечто необычное, какую-то странную хрупкость воздуха, от которой дышать становилось труднее. Свеча в домике священника погасла.

– Ты же не веришь, что она умерла от лихорадки, да? – прошептал Дэйви.

На коже женщины не было оспин или кровавых волдырей, но от летавших в последние дни слухов было не так-то просто отмахнуться. Если римская лихорадка на самом деле вернулась в Эдинбург...

– Конечно нет, – уверенно заявил Мунро. – Не сходи с ума.

Дэйви облегченно вздохнул и выдавил слабую улыбку, невидимую в темноте. Мунро всегда знал, как успокоить его, прогнать страхи, лезущие в голову, будто крысы в кладовую.

Парни закончили работу в молчании. Могила снова была скрыта под слоем земли и дерна, как и прежде, а тело, жесткое от трупного окоченения, лежало в тачке, укрытое серым плащом.

Вдруг что-то мелькнуло на самой границе кладбища, у низкой каменной стены, идущей вдоль всего его восточного края. И Дэйви, и Мунро заметили это движение и повернули головы, следя за ним, но едва их глаза привыкли к темноте, как все пропало.

– Просто собака, – заявил Мунро с уверенностью, которой вовсе не испытывал. – Идем. Доктору нужно, чтобы мы вернулись до рассвета.

Дэйви толкал тачку, а Мунро шел рядом, сжимая черенок лопаты крепче, чем нужно. Им почти удалось выйти за ограду кладбища, когда три человека в плащах возникли на их пути.

– Здравствуйте, – произнес первый. Он был самым высоким из трех и казался еще выше из-за цилиндра на голове.

– Чудная ночка, – вступил второй, лысый, который был ниже двух других.

– Отличное время для прогулки, – добавил третий, усмехнувшись, отчего его крупные желтые зубы стали заметны даже в темноте.

Дэйви понял, что это не стражники. Наверное, такие же воскрешатели.

Мунро, похоже, пришел к тому же выводу.

– С дороги. Она – наша, найдите себе собственного жмурика, – заявил он, закрывая собой Дэйви и тачку. Его голос дрогнул лишь самую малость.

Дэйви опустил глаза и заметил, что на ногах у мужчин отличная кожаная обувь. Воскрешатели в такой не ходили.

Трое незнакомцев разразились дружным хохотом.

– Абсолютно справедливо, – заметил коротышка. – И, само собой, стражу звать мы не намерены.

Он подошел ближе, и Дэйви заметил мелькнувшую под полой плаща веревку.

В следующую секунду все завертелось: трое незнакомцев кинулись к ним, а Мунро отскочил в сторону и на полной скорости рванул по кладбищенской аллее в сторону центра.

– Дэйви! – крикнул он. – Дэйви, беги!

Но Дэйви застыл, вцепившись в тачку, словно не в силах решиться и бросить несчастную Пенелопу Харкнесс, и лишь наблюдал за тем, как Мунро метнулся в переулок и исчез. Но к тому времени, как ноги все же согласились нести его вслед за товарищем, стало уже слишком поздно.

– Поймал! – заявил высокий незнакомец в цилиндре, мощной рукой схватив Дэйви за запястье. – Тише, больно не будет ни капельки.

Мужчина вытащил нож из кармана.

Дэйви попытался вырваться, но все его усилия были тщетны.

Мужчина аккуратно провел ножом по предплечью Дэйви, оставляя кровавую полоску, в темноте казавшуюся почти черной.

Дэйви онемел от ужаса. Он в полной панике, без единого звука смотрел немигающим взглядом на то, как лысый достал флакон с какой-то пурпурной вязкой субстанцией. Лысый вытащил пробку из флакона и протянул его вперед.

Цилиндр потряс ножом над флаконом, и одинокая капля крови Дэйви скользнула в его странное содержимое. Оно потемнело, а затем сменило цвет на сияющий золотом желтый. Свет от флакона озарил лица троих незнакомцев, теперь довольно улыбавшихся.

– Чу?дно, – произнес усатый.

На следующий день, совершая обычный утренний моцион, священник наткнулся на брошенную тачку с окоченевшим трупом женщины, которую он похоронил позавчера. Он покачал головой. Воскрешатели в этом городе становились все более наглыми – и опасными. К чему это приведет Эдинбург?

Из «Трактата об анатомии доктора Бичема, или Профилактика и лечение современных болезней»

(17-е издание, 1791 год)

под ред. доктора Уильяма Р. Бичема:

Всякий терапевт, намеревающийся успешно лечить как болезнь, так и любое из множества бытовых повреждений, должен сначала изучить анатомию. Знание человеческого тела и всех его частей – основа нашей профессии.

В этом трактате я изложу базовые принципы анатомии, выведенные мною за десятилетия ее изучения и сопровождаемые иллюстрациями моего авторства. Однако иллюстрации не могут служить заменой действительному, прямому изучению анатомии посредством вскрытия, и ни один будущий терапевт не может рассчитывать на успех в нашей профессии прежде, чем проведет вскрытия не менее дюжины тел и изучит их части.

Несмотря на то, что некоторые мои коллеги в Эдинбурге решаются на бесчестные действия, пользуясь незаконными услугами так называемых воскрешателей, похищающих тела невинных, материал, предоставляемый студентам моей анатомической школы в Эдинбурге, это всегда те, кому не посчастливилось познакомиться с веревкой палача и кого британский закон обязывает в качестве окончательного искупления сослужить своим

соотечественникам последнюю службу.

1

Лягушка была мертва, без всяких сомнений. Причем умерла она до того, как ее обнаружила Хейзел. Девушка просто отправилась на ежедневную утреннюю прогулку, а лягушка уже лежала на садовой дорожке, распластав лапки в стороны, словно решила принять солнечную ванну.

Хейзел поверить не могла своей удаче.

Вот лежит лягушка.

Как подарок. Как знак небес. В вышине над головой сгущались тяжелые серые тучи, обещая скорый дождь. То есть погода была идеальной. Но все необходимые условия не совпадают надолго. Как только начнется дождь, эксперимент можно будет считать несостоявшимся.

Из-под прикрытия кустов азалии Хейзел оглядела сад, чтобы убедиться в отсутствии наблюдателей (ведь матушка не смотрит на нее сейчас из окна своей спальни на втором этаже, правда?), а затем опустилась на колени, кое-как завернула лягушку в платок и спрятала за пояс нижней юбки.

Тучи почти затянули небо. Времени оставалось мало, поэтому Хейзел решила прервать прогулку и повернула назад к Хоторнден-касл. Пожалуй, стоит зайти через черный ход, чтобы ни с кем не столкнуться и без промедлений добраться до своей комнаты.

В кухне, куда стремительно ворвалась Хейзел, все кипело, на огне исходил паром огромный железный горшок, а в воздухе повис всепроникающий запах лука. Недорезанная головка забыто лежала на разделочной доске. И лук, и

доска, и валяющийся на полу неподалеку нож были испачканы в крови. Взгляд Хейзел скользнул по дорожке алых капель и уткнулся в кухарку, которая покачивалась взад и вперед на табурете в углу у очага и всхлипывала, баюкая руку.

– Ой! – вскрикнула кухарка, заметив Хейзел. Ее и без того красное лицо от слез еще сильнее побагровело. Кухарка утерла слезы и встала, пытаясь разглядеть юбки. – Мисс, не ожидала увидеть вас здесь. Я тут... решила дать роздыху больным ногам.

Руку кухарка пыталась спрятать под передником.

– Пойдите. У вас же кровь!

Хейзел подошла и подняла повыше кровоточащую руку женщины. На краю сознания мелькнула мысль о спрятанной под юбками лягушке и приближающейся грозе, но тут же исчезла. Нужно было сосредоточиться на текущей проблеме.

– Так, позвольте-ка.

Кухарка поморщилась. Порез оказался глубоким и шел вдоль основания мозолистой ладони.

Хейзел вытерла собственные ладони о юбки, а затем подняла взгляд на кухарку, ободряюще улыбнувшись ей.

– Ничего страшного тут нет. Вы будете в полном порядке уже к ужину. Эй, там, – окликнула Хейзел судомойку, – Сьюзан, не так ли? Принесите-ка мне штопальную иглу.

Похожая на мышь служанка кивнула и унеслась.

Хейзел подвинула кухонный таз для посуды к кухарке, вымыла той руку и насухо вытерла кухонным полотенцем. Смыв кровь и грязь, она смогла отчетливо разглядеть глубокий порез.

– Ну вот, стоит смыть кровь, и все уже выглядит не так плохо, – утешающе сказала Хейзел.

Вернулась Сьюзен с иглой. Хейзел держала ее над огнем, пока металл не почернел, а затем задрала собственную юбку, чтобы вытянуть из сорочки длинную шелковую нить.

Кухарка тихонько вскрикнула.

– Ваша отличная сорочка, мисс!

– О, ерунда. Это пустяки, правда. А теперь, боюсь, будет чуть-чуть больно. Вы в порядке?

Кухарка кивнула. Действуя так быстро, насколько возможно, Хейзел проколола иглой кожу на рассеченной ладони женщины и принялась уверенными стежками зашивать порез. С лица кухарки сошли все краски, и она крепко зажмурилась.

– Уже вот-вот – почти готово – и-и-и-и-и все! – провозгласила Хейзел, затягивая шов аккуратным узелком.

Нитку она перекусила зубами. Разглядывая свою работу, она не могла сдержать улыбки: крохотные, ровные, аккуратные стежки – результат многочасовых, отупляюще-монотонных занятий вышивкой в детстве. Хейзел снова подняла юбки – аккуратно, чтобы не задеть узелок с лягушкой, – и быстро оторвала от подола сорочки широкую полосу, не дав кухарке возможности ни возразить, ни даже вскрикнуть при виде столь варварского обращения с дорогой одеждой. Оторванным лоскутом Хейзел туго перевязала руку женщины со свежим швом.

– И вот что – вечером, будьте добры, снимите повязку и промойте рану. А я завтра сделаю вам припарку. И поосторожнее с ножами.

В глазах у кухарки все еще стояли слезы, но ей все же удалось улыбнуться Хейзел в ответ.

– Спасибо, мисс.

До своей спальни Хейзел удалось добраться без дальнейших задержек, и она тут же кинулась на балкон. Небо по-прежнему хмурилось. Дождь все еще не шел. Хейзел облегченно выдохнула и вытащила завернутую в платок лягушку из-под юбок. Она развернула платок, позволив тушке с влажным шлепком распластаться на каменных перилах.

Любимыми местами Хейзел в Хоторндене были библиотека – с узорчатыми зелеными обоями, книгами в кожаных переплетах и камином, который всегда топили после полудня, – и балкон ее собственной спальни, откуда открывался вид на петляющий между деревьев ручей, и ничто не нарушало красоты девственной природы на мили вокруг. Ее спальня выходила окнами на южную сторону замка; ей не был виден дым, поднимающийся над самым сердцем Эдинбурга, который расположился всего в часе езды на север. Вот почему здесь, на балконе, она могла сделать вид, что одна в этом мире, вообразить себя исследователем, замершим над бездной человеческих знаний в попытке найти смелость для решительного шага вперед.

Хоторнден-касл стоял на утесе, и стены его, увитые плющом, нависали над дикими шотландскими лесами и стремительным потоком, несущим свои воды дальше, чем Хейзел удавалось разглядеть. Этот замок принадлежал семье ее отца не меньше сотни лет. Он пропитался историей семьи Синнетт, оставившей отпечаток на камнях, траве и мхах, затянувших древние каменные стены.

Черета кухонных пожаров в восемнадцатом веке привела к тому, что замок был почти полностью перестроен на собственном фундаменте, кирпич поверх камня. Единственными сохранившимися частями первоначального строения были ворота в начале подъездной аллеи и вырытое сбоку холма холодное каменное подземелье, которым на ее памяти ни разу не пользовались – если не считать угроз миссис Гербертс запереть там Перси после того, как он стащил пудинг до чая, или того случая, когда лакей, Чарльз, на спор пообещал просидеть там целый день, но не продержался и часа.

Большую часть времени Хейзел не покидало ощущение, что она живет в Хоторндене сама по себе. Перси обычно играл во дворе или был занят уроками. А матушка, все еще не снявшая траур, редко покидала свои покои и в такие моменты напоминала скорее черного призрака смерти, скользящего по коридорам замка. Иногда Хейзел становилось одиноко, но чаще всего ее радовало такое положение дел. Особенно в те моменты, когда ей хотелось поэкспериментировать.

Мертвая лягушка была небольшой, с грязно-коричневой шкуркой. Ее крошечные конечности, словно руки марионетки, свисавшие с ладони девушки, когда та подобрала лягушку с дорожки, теперь окоченели и стали неприятно липкими. Но лягушка все же была мертва, а в воздухе ощутимо пахло грозой – все складывалось идеально. Все сошлось.

Из спрятанного за камнем тайника на балконе Хейзел извлекла каминную кочергу и кухонную вилку, которые она стащила несколько недель назад в ожидании такой ситуации. Ее выводила из себя расплывчатость, с которой Бернард говорил о металле, использованном чародеем-ученым в Швейцарии («Это была латунь? Просто скажи, Бернард, какого цвета был металл?» – «Говорю тебе, я не помню!»), поэтому она решила использовать те металлические предметы, которые будет легче всего стащить, не привлекая особого внимания. Кочерга была из кабинета отца, куда даже слуги не заботились заглядывать вот уже несколько месяцев, с тех самых пор, как ее отец со своим полком заступил в караул на острове Святой Елены.

Отдаленный раскат грома эхом прокатился по долине. Время пришло. Она сотрет черту между жизнью и смертью, оживив плоть с помощью электричества. Что есть чудеса, если не научные явления, все еще не понятые человеком? И разве не чудесно, что все секреты Вселенной лежали перед человеком, готовые раскрыться тем, кто достаточно умен и настойчив?

Хейзел аккуратно положила кочергу с одной стороны от тела лягушки, а затем, с благоговейным трепетом, медленно опустила вилку с другой.

Ничего не произошло.

Она подвинула кочергу с вилкой поближе к лягушке, а затем в нетерпении прижала их к ее шкурке. Неужели ей придется?.. Нет, нет, Бернард непременно упомянул бы, если бы голова заключенного была насажена на пику. Когда он вернулся из своего большого путешествия, ее переполняли вопросы о той демонстрации, что он вскользь упоминал в своем письме из Швейцарии, демонстрации, проведенной сыном великого ученого Гальвини. Используя электричество, Гальвини-второй заставил лапки мертвой лягушки танцевать, а глаза казненного преступника – моргать, словно вернув их к жизни.

– Выглядело пугающе, на самом деле, – рассказывал Бернард, поднося чашку чая к губам и кивком веля слуге принести еще имбирного печенья. – Но и волшебно, пусть и в таком странном смысле, ты так не считаешь?

Хейзел считала. И хотя Бернард отказался развивать эту тему («Ну почему тебя так тянет к мрачности, кузина?»), Хейзел поняла, что может восстановить детали этой сцены с такой легкостью, словно присутствовала там сама – человека в пиджаке французского покроя, стоящего на сцене маленького, обшитого деревом театра, с пропыленным насквозь красным бархатным занавесом за спиной. Хейзел могла представить, как сначала лягушачьи лапки дергаются вверх и вниз, словно танцуя канкан, а затем Гальвини сдергивает покрывало с главной диковины – головы повешенного. В воображении Хейзел шею ему обрубили достаточно низко, чтобы можно было разглядеть багровеющие синяки там, где в плоть врезалась веревка.

«Мы, люди, боимся смерти, – раздавался у Хейзел в голове воображаемый голос Гальвини с сильным итальянским акцентом. – Смерть! Отвратительная, страшная! Неизбежная и бессмысленная! В вечном танце мы стремимся к ней, как к прекраснейшей из женщин (итальянцы любят поговорить о красивых женщинах), а Смерть в темпе вальса скользит нам навстречу и манит, манит. Стоит заглянуть под ее вуаль, и пути назад больше не будет. Но на дворе новый век, друзья мои».

Тут Хейзел представляла, что он вытягивает вперед руку с металлическим стержнем, словно Гамлет – череп, затем поднимает второй стержень, и молнии пляшут между ними под рев публики. «И человечество готово бросить вызов законам природы!»

Публика ахает, едва осветительные лампы на сцене разгораются и в клубах серого порохового дыма, выпущенного для пущего эффекта, голова повешенного оживает.

Бернард описывал все это в письме, которое Хейзел перечитывала так часто, что успела запомнить каждую строчку: то, как дернулась голова, когда стержни приложили к ее вискам, то, как распахнулись веки. Она словно на мгновение снова пришла в сознание, и теперь, ослепленно моргая, глядела перед собой – на господ с их женами в лучших перчатках и шляпах – и на самом деле видела их. Бернард не упоминал о том, что рот у головы был открыт, но Хейзел поняла, что в ее воображении повешенный вывалил свой черный язык, словно ему до

ужаса надоело, что его голову раз за разом показывают на очередной вечеринке, перед очередной толпой зрителей.

Когда представление закончилось, Гальвини наверняка вышел раскланяться под неистовые аплодисменты, а затем все эти джентльмены вернулись в свои шато и виллы, чтобы за бокалом портвейна развлечь гостей рассказами об этом вечере.

«Это походило на колдовство, – написал тогда Бернард. – Хотя я и вообразить не мог, что колдун может носить настолько плохо сидящие брюки». В том письме Бернард также упомянул, что приобрел охотничий плащ за четыре сотни франков и что видел точь-в-точь такой же на принце Фредерике фон Гогенцоллерн.

И вот Хейзел стоит тут, в воздухе полно электричества, по обе стороны от лягушки лежит по металлическому предмету, но в отличие от образцов Гальвини ее образец остается уныло, раздражающе, несомненно неподвижным. Хейзел оглянулась. В спальне было пусто – ее горничная, Йона, всегда убиралась до окончания завтрака. Из открытого окна музыкальной гостиной, где у Перси шел урок, до Хейзел долетало бряцание клавиш пианино. Миссис Гербертс готовилась подавать матери Хейзел ланч в ее комнату, как обычно; она обедала за своим столом напротив зеркала, завешенного прозрачной черной вуалью.

Хейзел задержала дыхание и снова подняла кочергу. Ей оставалось попробовать только одно, но... внезапно Хейзел ощутила слабость и какую-то непривычную легкость в голове, словно мозг за ниточку подняли к верхушке черепа. Руки у нее тряслись. Прежде чем собственное тело подведет ее, она проткнула кочергой лягушачью спинку и вытащила ее из брюха. К ее полному замешательству, плоть оказалось очень легко проткнуть, и кочерга без труда порвала коричневую шкурку.

– Прошу прощения, – вырвалось у Хейзел, отчего она тут же почувствовала себя глупо.

Это ведь всего лишь лягушка. Просто мертвая лягушка. Если она собирается стать хирургом, ей рано или поздно придется привыкнуть к такому. И, словно пытаясь продемонстрировать самой себе крепость духа, девушка пихнула кочергу глубже.

– Вот так, – пробормотала она. – Так тебе и надо.

– Кому?

Оказалось, что за спиной у нее стоит Перси, сонный, с растрепанными волосами и в одном носке. Хейзел с удивлением отметила, что пропустила момент, когда смолкло пианино.

И хотя Перси было уже семь, матушка одевала его, словно трехлетнего малыша: в хлопковые рубашки с голубой оторочкой и открытым воротом. Леди Синнетт непрестанно тряслась над ним, будто над бесценной и невероятно хрупкой статуэткой из хрусталя. Брат рос капризным и избалованным, но Хейзел не могла заставить себя злиться на него за это, поскольку, сказать по правде, ей было его жаль. Хейзел наслаждалась невиданной свободой, поскольку все внимание матери сосредоточилось на Перси, а тому почти не разрешалось покидать дом, ведь он, упаси господи, мог оцарапать коленку о гравий садовых дорожек.

– Никому, – ответила Хейзел, оборачиваясь и скрывая лягушку за складками юбки. – А теперь беги. Разве ты не должен быть на уроке?

– Мастер Полия отпустил меня пораньше, потому что я был примерным мальчиком, – заявил братец, обнажая в ухмылке мелкие, острые зубки. Хейзел заметила, что одного сверху не хватает. Перси покачался с пятки на носок. – Поиграй со мной. Мамочка говорит, ты должна делать то, что я велю.

– Неужели? – Небо постепенно прояснялось, полоска голубого неба ширилась на горизонте. Если это вообще работает, то нужно действовать быстро. Пока воздух еще насыщен электричеством. – Почему бы тебе тогда не попросить мамочку поиграть с тобой?

– Мамочка скучная, – пропел Перси, прыгая то на одной, то на другой ноге. Он откинул с глаз светлые кудри. – Если я пойду в комнату к мамочке, она примется щипать меня за щеки и заставит читать мой латинский урок наизусть.

Хейзел задумалась, был ли их брат Джордж таким же в детстве, хныкал ли так же, требуя внимания, вознаграждения в виде оваций и поцелуев за каждую поездку на лошади и каждый выученный урок. Ей подобное казалось

невозможным. Кроме того, в те времена их мать еще не была так переполнена страхами и удушающе заботлива.

Джордж рос спокойным и погруженным в себя. Каждая его улыбка для Хейзел была словно тайна, которую он посылал ей через всю комнату. Перси в семилетнем возрасте уже виртуозно владел улыбкой, будто оружием. Помнил ли вообще Перси Джорджа? Он был так мал, когда брат умер.

Перси вздохнул.

– Ладно. Можем поиграть в пиратов, – произнес он полным снисхождения голосом, словно это именно Хейзел ворвалась в его комнату и умоляла его поиграть с ней в пиратов, а он наконец-то соизволил согласиться.

Хейзел закатила глаза.

Перси выпятил губу, преувеличенно нахмурившись.

– Если ты не согласишься, я закричу, позову мамочку, и она отчитает тебя.

Еще одну тучу уносило прочь. Лучик света пополз по подолу платья Хейзел, согревая ее даже сквозь слои нижних юбок.

– Почему бы тебе не спуститься на кухню и не спросить кухарку, что она готовит к чаю? Могу поспорить, если ты попросишь сейчас, у нее еще будет время, чтобы испечь твой любимый лимонный пирог.

Перси задумался. Он хмуро взглянул на Хейзел, прячущую что-то в складках юбки, но после секундной заминки развернулся и кинулся вниз по узкой лестнице, без сомнения, чтобы мучить теперь уже кухарку и миссис Гербертс. Хейзел угадала: игры с сестрой не могли сравниться с поеданием лимонного пирога.

Времени оставалось немного, но прежде чем продолжить, Хейзел нужно было запереть дверь. Ей ни к чему непрошенные гости. Она вернулась в комнату, повернула в замке тяжелый ключ и с удовлетворением услышала глухой щелчок. А затем снова ринулась на балкон, где за те мгновения, что ее не было, начал

робко накрапывать дождик, оставляя на поросших мхом перилах черные пятна. Если что и получится, то только сейчас.

Она подняла вилку и снова принялась водить ею над лапками лягушки, словно какой-то шаман. Ничего. Возможно, та демонстрация, которую видел Бернارد, была просто ловким трюком. Может быть, и трупа-то никакого не было, а был лишь мужчина, прячущийся под столом, с просунутой в отверстие в столешнице головой, загримированной под бледную кожу покойника. Как, должно быть, смеялись актер – обманщик – и этот Гальвини после демонстрации, считая полученные ассигнации и выпивая со своими помощниками-прохиндеями.

...И тут лягушка шевельнулась.

А шевельнулась ли? Может, это всего лишь игра света? Или проделки ветерка, пронесшегося над долиной? Но Хейзел ничего такого не почувствовала. Даже юбки не шелохнулись. Она водила вилкой над распятым трупиком лягушки снова и снова, с каждым разом все быстрее, но без всякого результата. И вдруг поняла.

Вытащив из кармана массивный ключ, девушка аккуратно положила его рядом с лягушкой, и та заплясала. Лягушка, мгновение назад лежавшая безжизненным лоскутком, сейчас весьма энергично дрыгала лапками. Ее переполняла жизнь, казалось, она вот-вот пустится наутек. «Это похоже на сказочный сон», – подумалось Хейзел. «Сними меня с этой кочерги, – казалось, говорила лягушка, – и я исполню три твоих желания!» А может, и на кошмар, на одну из тех ужасных историй, что печатают в бульварных листках, которые иногда тайком сует ей учитель Перси. Мертвые восстают и рвутся отомстить живым.

Но это сработало! Вот только что? Магнетизм? Ключ стал проводником для электричества, это понятно, но, кстати, из какого металла сделан это ключ? Ей придется провести настоящее исследование, скорее всего, даже серию экспериментов с использованием сочетаний всех металлов, которые она сможет опознать.

Переполненная восторгом, Хейзел продолжила водить ключом вдоль подергивающихся лапок лягушки. Но через минуту подергивание замедлилось, а затем и вовсе сошло на нет. Какое бы волшебство ни таилось в предгрозовом воздухе, в тельце лягушки, в кочерге и ключе от спальни – оно иссякло.

Лягушка была мертва, а из соседней комнаты до Хейзел доносились рыдания матери. Та рыдала почти каждый день, с тех пор как лихорадка унесла Джорджа.

Из «Трактата доктора Бичема об анатомии, или Предотвращение и лечение современных болезней» (24-е издание, 1816), написанного доктором Уильямом Р. Бичемом, дополненного доктором Уильямом Бичемом III:

Первым симптомом римской лихорадки (Plaga Romanus) являются фурункулы на спине больного. Через пару дней фурункулы начинают лопаться, окрашивая кровавыми пятнами рубашку на спине больного (отсюда и название «римская лихорадка», как отсылка к ранам от ножа на спине у Юлия Цезаря). Среди других симптомов почерневшие десны, вялость, боли и скудное мочеиспускание. В просторечии болезнь называют римской заразой, лихорадкой каменщиков, Красной смертью. Исход почти всегда летальный. Сильнейшая вспышка была зафиксирована в Эдинбурге летом 1815 и унесла свыше пяти тысяч душ.

Несмотря на то что количество выживших ничтожно, те, кто выздоровел, получили иммунитет. На данный момент лекарства не существует.

2

В экипаже по пути в Алмонт-хаус Хейзел безуспешно пыталась избавиться от следов чернил под ногтями и на костяшках пальцев. Предыдущей ночью она не спала, выписывая нужное из старого, еще отцовского, экземпляра труда доктора Бичема по анатомии. И все это время на столе подле нее лежала рекламная листовка, та самая, которую она увидела из окна своего экипажа на двери постоянного двора.

– Стойте, стойте! – закричала она тогда, стуча в дверцу экипажа. Затем выскочила наружу, сорвала листовку с двери и, запыхавшаяся, вернулась в экипаж, от волнения даже не беспокоясь о том, что ее мог кто-нибудь увидеть.

И сейчас листовка была спрятана в кармане юбки.

Испачканными в чернилах пальцами Хейзел дотронулась до нее, словно в поисках ободрения и удачи.

Бернарда вряд ли беспокоят чернильные пятна – Хейзел сомневалась, что он их вообще заметит, – а вот лорд Алмонт заметит наверняка, и, зная его щепетильное отношение к соблюдению приличий, можно не сомневаться, что эта история дойдет до ее матери. «Я искренне надеюсь, что ты не станешь позорить меня перед своим дядей, Хейзел, – заявит тогда матушка, поднося чашку с чаем к тонким губам или втыкая иглу в канву вышивки и одновременно следя за тем, как слуга подкидывает поленья в камин утренней гостиной. – И заботит меня вовсе не то, что ты выглядишь как бродяжка, выезжая в город. Но я уверена, что подобное поведение плохо скажется на количестве полученных тобой приглашений в грядущем сезоне».

Хейзел даже представить не могла, что бы матушка или лорд Алмонт сделали, узнай они о листовке в ее кармане, сообщающей об анатомической демонстрации, которую проведет знаменитый доктор Бичем III, внук легенды и определенно самый известный хирург из живущих в Эдинбурге, если не во всем королевстве.

При мысли об этом Хейзел едва ли не трясло от волнения.

ЖИВОЙ ИСПЫТУЕМЫЙ!

БЕСПЛАТНАЯ АНАТОМИЧЕСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ!

**САМ ДОКТОР БИЧЕМ, ГЛАВА ХИРУРГОВ ЭДИНБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА,
ПРОВЕДЕТ ВСКРЫТИЕ И АМПУТАЦИЮ ПО СОБСТВЕННОМУ НОВЕЙШЕМУ МЕТОДУ.**

ВСЕ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫЕ МОГУТ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В СЕМИНАРЕ ДОКТОРА ПО АНАТОМИИ.

В 8 ЧАСОВ УТРА

В КОРОЛЕВСКОМ ХИРУРГИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ ЭДИНБУРГА

Вот в таком мероприятии Хейзел хотела принять участие! Не эти смертельно скучные утренние приемы, где сплошь занудные вдовцы и невыносимые дебютантки или бесконечные, наводящие тоску балы. Едва Хейзел исполнилось пятнадцать, мать решила вывезти ее на сезон в Лондон. Там ей предстояло упаковываться в кринолин размером с софу для того, чтобы пронестись сквозь череду различных бальных зал в объятиях разнообразных молодых людей с запахом изо рта.

В теории проведенный в Лондоне сезон должен был привести к тому, что один из этих «пахнувших» джентльменов воспылет к Хейзел (или, скорее, к ее весьма солидному приданому) пламенной любовью и женится на ней, хоть это и казалось довольно бессмысленным, ведь предполагалось, что она выйдет замуж за Бернарда, чтобы сохранить титул и деньги Алмонтов в семье.

«В Бернарде нет ничего плохого», – сказала себе Хейзел. Он по-своему милый, и кожа у него довольно чистая. Конечно, он, ну, глуповат, но таких большинство. К тому же тщеславен – собственные костюмы волнуют его больше всего на свете. Зато он хороший слушатель. Он частенько возился с Хейзел в грязи, когда они были детьми, и поэтому не ждет, что та станет изображать из себя хрупкую фарфоровую статуэтку, как прочие девицы из их круга.

Они с Хейзел настолько давно знают друг друга, что ему даже ее желание стать хирургом кажется чужаковатым, а не скандальным. Поддержка мужчины может оказаться необходимой, когда дойдет до зачисления на курс и сдачи Королевского экзамена по лекарскому делу, и лучше бы этот мужчина имел титул и связи. Хейзел с надеждой разгладила пальцами мятый листок объявления.

Стоял погожий осенний денек, и сентябрьский воздух был таким прозрачным, каким крайне редко бывает в Старом городе Эдинбурга, где похожие на кривые зубы деревянные домишки, усеявшие макушку холма, выпускают в небо клубы черной сажи обыденности. Лорд и леди Алмонт жили напротив Садов Принцесс-стрит – всего лишь у подножия холма, но словно в другом мире по сравнению со Старым городом: в Новом городе, в элегантном белом городском особняке на площади Шарлотт-сквер.

В итоге Хейзел так и не удалось оттереть чернила с рук, поэтому, едва лакей закрыл за ней дверцу экипажа, она сунула руки в карманы, поближе к спрятанной там листовке.

Не успела она позвонить, как дверь перед ней распахнул слуга, с пятнами пота на воротничке и поблескивающей лысиной.

В главном холле что-то происходило – он просто бурлил. Хейзел встретила взглядом с Сэмюелем, камердинером, скользившим мимо с пустым тазом и лоскутом ткани. Сэмюель слегка поклонился.

Странного вида незнакомец – какой-то бродяга в пыльных лохмотьях – сидел неподалеку на простом деревянном стуле, прежде никогда не попадавшемся Хейзел на глаза. Вероятно, его принесли из комнат прислуги. Доктор в длинном пальто осматривал его рот.

Бродяга явно чувствовал себя не в своей тарелке среди изысканных интерьеров этого особняка. Он был тут совершенно неуместен, весь его вид выбивался из общей картины. Среди всех присутствующих лишь его рубашка была не выглажена и не накрахмалена, волосы не причесаны, лицо чумазо, и грязные разводы от пота и пыли были видны на невымытой шее. Доктор поморщился, а затем похлопал мужчину по щеке, и тот послушно закрыл рот.

Лорд Алмонт – сидящий с другой стороны холла на широком, украшенном подушками стуле, стоявшем обычно в столовой, – поднялся, едва Хейзел вошла.

– А, Хейзел, – приветственно произнес он. – Приношу свои извинения за то, что сегодня ты застала в нашем доме такой беспорядок. Полагаю, Бернард спустится через минуту. Сэмюель, сообщите Бернарду, что прибыла мисс

Синнетт.

Присев в ответ в уместном легком книксене, Хейзел полностью переключила внимание на странного бродягу. Ей не терпелось узнать, что же здесь происходит. Возможно, этот бродяга был одним из тех, кого лорд Алмонт брал под свою опеку? Из тех, кто жил за счет благотворительности его светлости? Или просто пришел наниматься в слуги и вот-вот получит категорический отказ? Хейзел даже вообразить не могла, что лорд Алмонт из тех, кто сам нанимает прислугу. И зачем ее дядюшке понадобилось, чтобы бродягу осмотрел врач?

– Мы можем продолжить? – негромко спросил доктор.

Тут Хейзел впервые обратила внимание на его лицо – рябое, покрытое оспинами, красными рубцами и глубокими морщинами. Левый глаз был спрятан под шелковой повязкой, но Хейзел удалось разглядеть красноватую припухлость по краям. Темные, довольно редкие волосы доктора были стянуты лентой в длинный хвост на затылке. В руке он держал похожий на металлические щипцы инструмент, поблескивающий в свете, сочившемся сквозь фасадные окна. Его пальто было пыльным и потрепанным.

Бродяга так широко распахнул глаза, что можно было хорошо разглядеть белки, окружавшие радужку. Он нервно мямлял лежащую на коленях шляпу, словно только что постирал ее и теперь пытался отжать. После нескольких секунд испуганного молчания он кивнул доктору, откинулся назад и открыл рот.

– Возможно, леди... – начал было лорд Алмонт, но не успел закончить мысль, как доктор уже выполнил свою задачу: сунул руку со щипцами в рот бродяги, быстро повернул и с тошнотворным хрустом вырвал коренной зуб.

Таз, принесенный Сэмюелем, немедленно был использован по назначению. Бродяга подставил его под подбородок, чтобы собирать слюну и кровь, текущие у него изо рта. Он даже вскрикнуть не успел.

Доктор фыркнул, осматривая зуб, все еще поблескивающий от крови.

– Теперь быстрее, – обратился он к лорду Алмонду. – Нужно брать зуб прямо из десны, если хотим, чтобы он прижился.

Лорд Алмонт послушно откинулся на спинку и открыл рот.

Доктор намазал корни зуба серебристой пастой и с помощью маленького скальпеля пристроил его глубоко во рту лорда. Позади них тихо поскуливал бродяга.

– Вот и все, – сказал он, закончив, – месяц не жевать мяса, разве что фарш. Только прозрачное спиртное, и никаких томатов.

Лорд Алмонт поднялся и поправил шейный платок.

– Конечно, доктор. – Из нагрудного кармана лорд Алмонт извлек несколько монет, оценил сумму, а затем, максимально вытянув руку, отдал их бродяге. – Полагаю, именно столько нынче стоит коренной зуб?

Хейзел подумалось, что лорд слишком уж старается держаться подальше от человека, чей зуб теперь находился у него во рту. Бродяга, по щекам которого текли слезы, сунул монеты за пазуху и ушел.

– Приношу свои извинения, Хейзел, – повторил лорд Алмонт, как только стихло эхо захлопнувшейся двери, – за то, что тебе пришлось стать свидетельницей этой ужасной сцены. Хотя, помнится, Бернард как-то упоминал, что тебя интересуют подобные вещи. – Он потер скулу. – Мерзкое дело, но на что не пойдешь ради здоровья. Полагаю, ты не знакома с уважаемым доктором Эдмундом Стрейном из Эдинбургского анатомического общества? Доктор Стрейн, позвольте представить вам мисс Синнетт, дочь моей сестры Лавинии.

Доктор Стрейн повернулся к Хейзел. Не закончив убирать инструменты, все еще с маленьким, испачканным кровью скальпелем в руках, он едва заметно склонил голову.

– Как поживаете? – спросила Хейзел.

Доктор Стрейн не ответил. Его здоровый глаз уставился прямо на чернильные пятна на руках девушки. Она поспешно спрятала их в юбках. И без того узкие губы доктора сжались еще сильнее.

Когда доктор все же заговорил, его слова были обращены к лорду Алмонту.

– Непременно следите за тем, как жевание сказывается на зубе, ваша светлость.

Не сказав больше ни слова, он подхватил свой саквояж, развернулся на каблуках и вышел через заднюю дверь, махнув на прощание лапами черного пальто.

– Боюсь, манерам он не обучен, – шепнул лорд Алмонт, стоило Стрейну уйти. – Но мне сказали, что он лучший в городе. Только представь, был протеже великого доктора Бичема, пока тот не умер. Ты, конечно же, останешься на чай?

Уже два года минуло с тех пор, как отец Хейзел заступил на свой пост на острове Святой Елены – в качестве капитана Королевского флота, назначенного следить за сосланным императором Наполеоном, – и с тех пор лорд Алмонт возложил на себя обязанность присматривать за племянницей. И Хейзел приходилось раз или два в неделю отправляться в экипаже в Эдинбург, чтобы присоединиться к Алмонтам за чаем или ужином, или почитать лорду Алмонту книгу в утренней гостиной, или составить Бернарду компанию на одном из тех социальных событий, которых не удалось избежать. По крайней мере, в Алмонт-хаус память о Джордже не давила мрачным облаком, как в Хоторнден-касл.

Когда она станет женой Бернарда, а затем, со временем, и новой леди Алмонт, тяжелые воспоминания, возможно, скроются, как страницы книги под обложкой. У нее будут новое имя и новый дом. У нее начнется новая жизнь. Она станет новым человеком, который не боится печали.

– А, Бернард! – произнес лорд Алмонт, едва его сын появился на верху лестницы. – Вы двое будете обедать здесь? Я уверен, Сэмюель успеет предупредить кухарку.

– На самом деле, дядюшка, – сказала Хейзел, – я надеялась, что Бернард сопроводит меня на прогулку.

Бернард спрыгнул с последней ступеньки и галантно подставил ей локоть. К тому моменту, как они покинули дом, слуги успели убрать все следы хирургической операции, проведенной здесь считанные минуты назад.

Из книги «Города Шотландии: в помощь путешественнику» (1802) Дж. Б. Пикрока:

Эдинбург называют «Афинами Севера» за достижения в философии, но теперь это еще и дань его архитектуре: белому камню, прямым широким улицам, многочисленным колоннам. Новый город начали строить на равнине в тени Эдинбургского замка в 1760-х, полагаю (когда зловоние и теснота в зданиях по Хай-стрит на холме стали невыносимы для любого человека достойного происхождения и воспитания), но только с 1810 стали появляться поистине впечатляющие здания в стиле классического романтизма. И теперь, смею утверждать, Эдинбург может похвастаться более красивыми образцами романтизма, чем любая другая столица Европы.

З

– Нет.

– Пожалуйста.

– Ни в коем случае.

– Но меня не пустят без тебя. Никаких шансов. А вот в паре с виконтом Алмонтом меня выгнать не посмеют.

– С будущим виконтом Алмонтом. Мой отец все еще жив, благодарю за беспокойство.

– Ну, ты ведь и сейчас кто-то, так? Наверняка ты, по крайней мере, баронет. А это что-то да значит, будущий виконт Алмонт.

- Хейзел, - одернул ее Бернард.

- Тебе не обязательно смотреть. Можешь вообще просидеть все время с закрытыми глазами.

- Но я ведь все равно буду это слышать.

Хейзел помахала зажатой в руке листовкой.

- Да брось, Бернард. Разве я раньше просила тебя сделать для меня хоть что-нибудь? Если я не попаду туда, то не смогу думать ни о чем другом всю оставшуюся жизнь. Буду припоминать это на званных ужинах, когда мы оба станем седыми и старыми, и ты пожалеешь, что не пошел тогда, хотя бы ради того, чтобы закрыть мне рот.

Бернард шагнул дальше.

- Нет.

На нем был новый цилиндр цвета голубинового крыла, и пусть даже он сейчас отвернулся от Хейзел, та видела, что он старается показать его под удачным углом, так, чтобы свет должным образом падал на поля и подчеркивал его резко очерченный подбородок. Пиджак на нем тоже был серым, а еще он надел канареечно-желтый шелковый жилет.

Несмотря на то что в начале дня царил приятная осенняя прохлада, за время их прогулки она успела смениться удушающей жарой. Хейзел почувствовала, как по спине, под слоями ткани, ползет капля пота.

- Ты беспокоишься, что моя матушка будет сердиться на тебя за это?..

Бернард, повернувшись, перебил ее:

- Да. Признаться честно, да. Я беспокоюсь, что твоя мать будет сердиться на меня, но более того, Хейзел, я беспокоюсь, что она рассердится на тебя. Имеешь ли ты хоть малейшее представление о том, в какие неприятности попадешь, стоит твоей матери - или отцу, если уж на то пошло, - узнать, что ты побывала

на лекции по анатомии? На публичной лекции по анатомии! Кто только не приходит в подобные места! Пьяницы... насильники! И... и... театральные актеры!

Хейзел закатила глаза, подтягивая перчатки цвета слоновой кости. Их купил ей отец еще до того, как отбыл на Святую Елену.

– Студенты, Бернард. Вот кто ходит в подобные места. В любом случае я все продумала: скажу матери, что иду с тобой на пикник в Сады Принцесс-стрит и что меня не стоит ждать до вечера. Мы можем пешком прогуляться с холма и добраться до тебя уже к чаю.

Мимо проехал роскошный экипаж, и Бернард замешкался с ответом, вежливым, полным достоинства кивком приветствуя джентльмена, едущего в нем. Затем снова повернулся к Хейзел, уже не скрывая раздражения.

– Изучать медицину – одно дело. Это даже полезно. Мой друг из Итона, Джон Лоуренс, сейчас учится в Париже и вскоре станет неплохим терапевтом, а затем удачно женится и будет дорогим гостем на всех наших званых вечерах. Если тебе хочется верить в то, что ты сможешь стать врачом – или медицинской сестрой – полагаю, это еще допустимо. Но хирургия, Хейзел, хирургия – для людей без средств. Без статуса. Они же просто мясники, в самом-то деле!

Он успел пройти несколько шагов, прежде чем понял, что Хейзел не идет рядом с ним.

– Хейзел?

– Что ты имел в виду под этим «хочется верить»?

– Что я?..

– Ты сказал «хочется верить в то, что» я «смогу стать врачом».

– Я лишь хотел сказать... Хейзел. То есть. Ты же в самом деле не рассчитывала... – Он помолчал, а потом заговорил снова: – Твои умения обрабатывать царапины и сбивать жар будут весьма кстати, когда мы

поженимся!

- Ты же всегда знал, что я хочу быть хирургом, - выдохнула Хейзел. - Мы сотни раз это обсуждали. И ты всегда меня поддерживал.

- Ну да, - согласился Бернард, уставившись на носки своих ботинок. - Когда мы были детьми.

Внезапно Хейзел ощутила привкус меди во рту. Язык словно распух. Они находились всего в квартале от Алмонт-хаус, отсюда уже видны были его белые колонны, сверкающие в лучах послеполуденного солнца.

- Послушай, - сказал Бернард, демонстрируя готовность идти дальше. - Давай вернемся в особняк. Выпьем чаю.

Пальцы Хейзел, сжимавшие листовку, ослабли, и Бернард воспользовался этим, чтобы выхватить ее. После этого он разорвал бумагу пополам и еще раз, и еще, пока от нее не остались мелкие кусочки. Они улетели в грязь сточной канавы и на глазах у Хейзел погрузились в нее один за другим.

- Ну, будет. Забудем об этой чепухе. В Ле Гранд Леон дают новое представление, нужно будет нам с тобой как-нибудь сходить. И взять с собой твою матушку. Звучит чудесно, не правда ли?

Хейзел едва заметно кивнула.

- Знаешь, если ты не против, я бы еще немного прогулялась. Просто вдоль по улице. А потом экипаж отвезет меня домой к ужину.

Бернард нервно обернулся.

- Без компаньонки? Не думаю...

- Всего пару минут. Мы в квартале от твоего дома. Смотри, вот он. Я все время буду в пределах видимости.

- Ну, если ты уверена, - с сомнением протянул Бернард.

– Я настаиваю.

– Что ж, хорошо.

Все оказалось так легко. Бернард удовлетворенно кивнул, лицо его снова приобрело благодушное выражение. Он был сыном виконта, и все в мире шло своим чередом. До дома оставались считанные шаги, а там его ждал привычный ростбиф на ужин.

– Я приеду в Хоторнден на следующей неделе. Скажи Перси, что мы непременно сыграем с ним в вист.

Хейзел в ответ изо всех сил постаралась изобразить милую улыбку. Она удерживала ее, пока Бернард, меривший улицу своими длинными ногами, не скрылся в тени Алмонт-хаус.

И только после этого позволила себе опустить взгляд на жалкие останки объявления, которое она так старательно прятала в гардеробе, подальше от любопытных глаз матери и миссис Гербертс, чтобы показать Бернарду. Всего лишь несколько клочков с отдельными словами еще скользили по грязному ручью в придорожной канаве, похожие на части головоломки.

Она вздохнула и направилась к ожидавшему ее экипажу. Кто-то стоял рядом с Алмонт-хаус, у боковой калитки, выходящей туда, где дорога с Шарлотт-сквер сворачивала на аллею Квинсферри-стрит. Позади пронзал голубые небеса шпиль собора Святой Марии, увенчанный железным крестом.

Это была девушка с рыжеватыми волосами – которые, возможно, были бы просто рыжими, не будь они настолько грязными, – убранными под чепец горничной. Одна из служанок Алмонтов? Хейзел не узнала ее, но в этом не было ничего удивительного. В таком особняке определенно служило не меньше дюжины горничных, которые старались не попадаться гостям на глаза. Возможно, это новенькая. На вид она казалась юной – совсем юной. Младше Хейзел. По тому,

как она посматривала то за спину, то на улицу впереди, было похоже, что она ждет кого-то, но без всякого волнения.

ЖИВОЙ ИСПЫТУЕМЫЙ

БИЧЕМ

ЭДИН

ЕННОМУ МЕТОДУ.

СЕМИН АНАТ

Хейзел остановилась и с любопытством посмотрела на нее. А затем, в мгновение ока, к ней присоединился мужчина. Нет, не мужчина. Мальчишка. Высокий мальчишка, весь словно из вертикальных линий и острых углов. Эти двое разговаривали, а затем горничная украдкой сунула собеседнику листок бумаги.

Неужели они собрались ограбить Алмонт-хаус? Среди бела дня. И площадь вовсе не пустовала – за то время, что Хейзел наблюдала за парочкой, мимо пронеслись несколько экипажей. Казалось, никто не обращает на них внимания. Конечно, их скрывала тень особняка, но, без сомнений, любые вору предпочли бы действовать под покровом ночи.

Хейзел осторожно подошла ближе, изображая интерес к небольшому кусту роз. И хотя теперь она была всего лишь в тридцати ярдах, двое незнакомцев даже не оглянулись. Горничная с медными волосами протянула руку, и высокий парень вложил в нее несколько монет. Приблизившись, Хейзел смогла разглядеть длинный, тонкий нос парня, торчащий из копны темных волос.

– Осторожнее с этим, Джек, – предупредила горничная.

Спрятав монеты в пояс, она скрылась за углом каменной громады Алмонт-хаус и скользнула в боковую калитку.

«Странно», – подумала Хейзел.

– Домой, мисс?

Это кучер ее экипажа, мистер Питерс, окликнул ее с конца улицы. Затем щелкнул поводьями, заставляя лошадей тронуться с места.

Парень, стоящий в тени, поднял глаза, и в то мгновение, когда Хейзел встретилась с ним взглядом, от волнения у нее приподнялись волосы на затылке. Его глаза оказались яркими и ясными, красивого серого цвета. «Из-за длинного носа он похож на хищную птицу», – подумалось Хейзел. Парень улыбнулся или, может быть, усмехнулся, а может, это и вовсе была игра света, потому что секунду спустя он уже уверенно шагал по широкой дороге туда, где поднимался ввысь густой, черный дым труб Старого города, а Хейзел усаживалась в экипаж, чтобы вернуться в Хоторнден, и пыталась воскресить в памяти воспоминание о его лице, успевшее потускнеть.

4

Умереть в Эдинбурге было на удивление легко. Люди делали это каждый день. Гибли в пожарах или от ножа в темной подворотне. Царапины, на которые не обращали внимания, воспалялись, распухали и гноились, и вот человек играл в ящик, не успев даже добраться до бесплатного доктора. Воров вешали на площади Грассмаркет-сквер – Джек своими глазами видел, как их тела сперва судорожно дергались, а затем затихали.

В Эдинбурге легко было умереть, но Джек протянул до семнадцати лет, потому что знал, как тут выжить.

К тому времени, как Джек спустился с холма, Дженет уже ждала его у боковой калитки особняка по Квинсферри.

Он даже не успел извиниться за опоздание, а она уже начала говорить почти умоляюще:

– Это новая работа. И я стараюсь здесь удержаться. Кормят хорошо. Нормальная каша на завтрак каждое утро, со сливками.

– Ты сама назначила встречу посреди чертова дня.

– У меня теперь работа, Джек, если ты не забыл. А значит, я не могу день и ночь шляться по вонючим забегаловкам, чтоб рассказать, что узнала.

У Джека волоски на затылке приподнялись, и нервы превратились в натянутые струны. В пятнадцати футах от них, на улице, стояла девушка, наблюдающая за ними. Дженет ничего не замечала. Девушка была слишком далеко, чтобы их услышать, решил он, но она определенно присматривалась к ним, пусть даже и делала вид, что нюхает розы. Она была из богачей – видно было по одежде из отличной ткани и шляпке с настоящими перьями. Наверняка чья-то жена, иначе не гуляла бы по Новому городу без компаньонки. Вот только на вид девушка была не старше его самого. На вид ей было лет шестнадцать или семнадцать. По этим богатеньким красоткам, похожим на бумажных куколок, трудно было судить.

Джек следил за ней краем глаза, разглядывая, как тонкая линия шеи под волосами, белая почти до прозрачности, становится заметной под доспехами платья, стоит ей склонить голову.

Дженет прочистила горло.

– Тебе же это нужно, так? Потому что если нет, тогда я найду кучу других воскрешателей, готовых заграбастать двойной улов. Найду, Джек Каррер, не думай, что не смогу!

Каждый слог его фамилии она словно бы прокатила на языке: Кар-р-ер.

– Нет, нет, мне нужно, конечно, нужно. – Он выхватил бумажку, протянутую Дженет, и тут же сунул руку в карман за монетами.

Свою выручку Дженет считала, проговаривая числа вслух.

– Один кроха. Непонятно, отчего умер. Не болел, я так мыслю, должно быть, кормилица придавила. Представляешь? Сплошь и рядом такое. Этих маленьких наследничков, разодетых в кружевные рубашечки, кормят тетки, которые глаз не могут удержать открытыми. Второй – мужчина. С этим поосторожнее, Джек... слышала, как конюх говорил, мол, у него та самая зараза.

Джек глянул на лист с именами и поспешно нарисованной картой кладбища.

– Это не римская лихорадка, Дженет, и лучше бы тебе не повторять эти сплетни. Люди пугаются.

– Можно подумать, ты не боишься? – огрызнулась Дженет.

Джек побарабанил пальцами по бедру. Он уже несколько лет работал воскрешателем, выкапывая тела, изуродованные разложением и болезнями, но сам никогда на здоровье не жаловался. Неясно было, то ли это Бог одарил его особой милостью, точно незаслуженной, то ли речь о слепой удаче, но сам он склонялся ко второму варианту.

– Нет, – ответил он, – не боюсь.

Дженет в ответ пожала плечами, а затем скрылась во внутреннем дворике, откуда могла сквозь черный ход попасть в особняк, сделав вид, что никуда и не выходила.

Джек сложил бумажку и сунул ее в карман штанов, а затем снова посмотрел на девушку, старательно любовавшуюся розами. Она пристально смотрела на него, сузив карие глаза, темные почти до черноты. Девушка была хорошенькой, как, впрочем, все богачки, с их чистой кожей и блестящими волосами. У этой волосы были светлыми, с рыжеватым отливом, и чуть завивались из-под шляпки. Нос у нее был длинным и прямым, а губы чуть кривились с одной стороны. Джек внезапно почувствовал себя раздетым, отчего покалывающий жар пополз по шее к затылку. Но взгляд отвести не смог. Казалось, она в чем-то его обвиняет. Или вовлекает в заговор. Улыбалась ли она, или это был природный изгиб ее сочных губ?

Наконец, к облегчению Джека, девушка отвела взгляд и подняла ножку в изящной туфельке, чтобы сесть в роскошный экипаж.

Ее перчатки были светлыми и, перед тем как она исчезла, Джек смог разглядеть красное пятнышко на кончике пальца ее левой руки, той, которой она притягивала к себе поближе стебель розы. Кровь. Шип проколол тонкую ткань, а девушка даже не заметила. Крошечный алый лепесток расцвел на ее обтянутых светлым пальчиках.

Из «Энциклопедии Каледонии» (29-е издание, 1817):

Уильям Бичем, полное имя Уильям Бичем, барон Бичем из Меершира, также называемый сэром Уильямом Бичем, баронет (рожден 5 апреля 1736, в Глазго, Шотландия; умер 7 января 1801, в Портри, остров Скай, Шотландия). Шотландский хирург и ученый-медик, председатель и основатель Эдинбургского королевского анатомического общества, наиболее известный своими исследованиями в анатомии и написанием «Трактата доктора Бичема об анатомии, или Предотвращение и лечение современных болезней». «Трактат», с его подробными анатомическими диаграммами и актуальным перечнем заболеваний, стал основой для обучения следующего поколения студентов-медиков. С тех пор он более дюжины раз переиздавался в дополненном и обновленном виде. Будучи известным шотландским националистом, Бичем, по слухам, отказался от должности придворного врача короля Георга III, после чего ему запретили появляться в Лондоне.

В последние годы Бичем превратился в настоящего затворника, отказываясь принимать пациентов или выступать с публичными лекциями, и все силы отдав изучению алхимии и оккультных наук. Своей целью Бичем объявил разгадку секрета вечной жизни. Бичем скончался от отравления, вызванного экспериментами с приемом внутрь золота, ртути и свинца в больших дозах. «Трактат доктора Бичема» после его смерти редактируется и переиздается его внуком, Уильямом Бичемом III.

Супруга: Элоиза Карвер Бичем из Эссекса (рождена в 1742, умерла в 1764). Дети: Джон (рожден в 1760), Филипп (рожден в 1762), Доротея (рождена в 1764).

Также см.: внук Уильям Бичем III.

Она не сомневалась, что может устроить все и без Бернарда. Вопрос был лишь в том, чтобы верно рассчитать время – уходить надо после завтрака, а матери она скажет, что отправляется на долгую прогулку по полям, раскинувшимся за домом. После нужно будет позаимствовать один из длинных отцовских плащей и добраться до конюшен незамеченной. Перси проблем не доставит – у него занятия все утро. А окна матушкиной спальни выходят на восточную сторону, так что, даже если той придет в голову взглянуть в окно во время написания писем, она не сможет увидеть, как Хейзел сбегает по аллее.

Экипаж можно было не рассматривать. Слишком шумно, слишком заметно. Кто-нибудь может увидеть ее и узнать экипаж на пути из поместья в Эдинбург. Нет, верхом намного безопаснее, особенно если поднять повыше воротник зимнего отцовского плаща, а голову опустить пониже.

Хейзел никогда прежде не бывала в Старом городе без сопровождения, но была уверена, что не заблудится. Там все походило на скелет рыбы – хребет Хай-стрит, от Эдинбургского замка в начале до дворца Холируд в конце, и аллеи с переулками, идущие в обе стороны. Она знала, как выглядит снаружи здание Эдинбургского Королевского Анатомического общества – его как-то показывал ей дядя: балки из темного дерева, каменные стены и начищенная табличка у двери. Вряд ли его будет сложно найти. Шесть пенсов на вход грелись в ее кармане благодаря привычке нервно крутить в пальцах монеты, но если все пойдет по плану, то они ей не понадобятся.

В то утро она продолжила планировать все, шаг за шагом, механически поглощая овсянку за широким дубовым столом напротив матери. Их семейная столовая была, наверное, единственной комнатой в Хоторндене, которую можно было назвать уютной. Она находилась рядом с кухней и всегда была теплой, а еще здесь обычно приятно пахло жареным мясом, которое кухарка готовила к ужину. Хотя стены почти в каждой комнате дома были скрыты – под тусклыми, написанными маслом портретами, оружием и привезенными отцом из путешествий трофеями, надежно спрятанными за стеклом, – здесь была видна

деревянная обшивка приятного орехового цвета, согретого бликами огня в камине, на котором грелся чайник.

Если бы только Бернард не порвал объявление. Не то чтобы Хейзел не запомнила его наизусть, но возможность читать и перечитывать успокаивала. В объявлении не говорилось, что женщины на анатомическую лекцию не допускаются, но этого и не предполагалось. Кроме того, Хейзел не хотела, чтобы кто-нибудь узнал ее там и донес матери – или, упаси небо, дяде. Нет, вместо этого она собиралась дожидаться, пока часы на соборе Святого Жилия пробьют восемь и лекция начнется, и оставаться снаружи до тех пор, пока двери не закроются за всеми желающими. Затем, когда все будут увлечены демонстрацией чудесного нового метода доктора Бичема, она сможет тихо и незаметно проскользнуть внутрь.

Само собой, тот самый доктор Бичем, который написал учебник, перевернувший представление об анатомии, и превратил Эдинбург в мировую столицу медицинских наук, уже давно был мертв. И теперь его внук, доктор Бичем III, возглавлял Эдинбургское Королевское Анатомическое общество.

Хейзел снова и снова повторяла план про себя, как заклинание: «Лошадь, город, лекция. Лошадь, город, лекция». Если назад она поскачет быстро, то, возможно, успеет к ужину и сможет притвориться, что потеряла счет времени в лесах. Мать ничего не заметит; она вообще едва ли замечает Хейзел. Джордж умер, наследником стал Перси. Какая разница, чем Хейзел занимается в свободное время?

– Слава господу, мы отправляемся на сезон в Лондон.

Хейзел настолько погрузилась в собственные мысли, что голос матери произвел эффект электрического разряда.

– Прошу прощения, что?

Леди Синнетт выпрямила спину, и вуаль, всегда скрывающая ее лицо, дрогнула.

– В Лондон, – резко повторила она. – На сезон. Не глупи, Хейзел.

– Да, конечно. В Лондон.

Несколько ужасных месяцев, когда ей, утянутой словно рождественская индейка, придется, вцепившись в руку Бернарда, улыбаться незнакомцам с масляными взглядами.

– Слава господу, мы уезжаем, – повторила леди Синнетт, – учитывая все, что я слышала.

Хейзел постаралась скрыть дрожь в голосе.

– А что вы слышали?

Дыхание у нее перехватило от тревоги. Значит, матери все известно. Известно о лекции и анатомических курсах. Конечно. Как она могла надеяться, что удастся скрыть это, когда?..

– Лихорадка, Хейзел, – процедила леди Синнетт. – И само собой, не там, где живут все цивилизованные люди, а в Эдинбурге, где дома строят вплотную друг к другу и слоняются толпы нищих, в которых и так едва держится жизнь, – здесь просто ужасный воздух. Seriously, чем скорее мы окажемся в Лондоне, тем лучше. Особенно учитывая хрупкое здоровье Перси.

– О... Да. Конечно.

Колокола аббатства, расположенного по другую сторону поля, прозвонили очередной час, и кухарка просочилась в столовую, чтобы убрать посуду.

– Я планировала отправиться на прогулку нынче утром, – сказала Хейзел, разбивая молчание. – На хорошую, долгую прогулку. Как следует подышать свежим воздухом.

Откуда-то сверху до них донеслось нестройное бряцанье фортепьяно, страдающего под пальцами Перси.

– Да, хорошо, – рассеянно согласилась леди Синнетт.

Хейзел поднесла чашку чая к губам, чтобы скрыть от матери широкую улыбку.

Поездка в Эдинбург заняла меньше часа, и на дороге не было никого, кроме полудюжины крестьян, которых Хейзел не узнала и которые даже глаза не потрудились поднять, когда она проносилась мимо. Она просто скакала по главной дороге в направлении столба мерцающего черного дыма – Старого Вонючки[3 - Эдинбург получил такое прозвище (Auld Reekie) в XVII веке из-за сочетания смрадных испарений от озера Нор-Лох и смога от городских очагов.], бьющегося сердца всей науки и литературы Шотландии. Еще до отъезда отец брал ее с Джорджем в Алмонт-хаус послушать, как сэр Вальтер Скотт читает отрывки своей повести в стихах «Дева озера». Меньше чем через три месяца римская лихорадка забрала Джорджа. Хейзел тоже болела, мечась в беспомощности по постели и пачкая простыни потом и кровью, сочащейся из ран на спине. А затем, однажды утром, разбуженная слабыми рассветными лучами, она почувствовала, что может подняться. Кухарка рыдала, когда Хейзел попросила овсянки, в первый раз за неделю болезни. Она выжила, а ее брат, который был сильнее, умнее и храбрее нее, умер.

Хейзел знала, что улицы Старого города представляют собой запутанный лабиринт. Даже помня, как выглядит дверь Анатомического общества, она все равно репетировала про себя, как можно вежливо остановить прохожего, чтобы спросить дорогу. Но стоило ей оставить лошадь у постоялого двора и сделать пару шагов по мостовой, как в толпе показалась пара студентов-медиков. Их невозможно было ни с кем спутать: поношенные черные мантии, пыльные ботинки и почти у каждого под мышкой зажат экземпляр «Трактата доктора Бичема». Идеально.

Хейзел следовала за ними по пятам под морозящим дождем, пока они не свернули в переулок у Южного моста, откуда несло лежалой рыбой. Переулок оканчивался тупиком – крошечной площадкой, со всех сторон окруженной зданиями высотой в три-четыре этажа. Все они словно нависали над площадкой. Когда Хейзел въезжала в город, небо казалось синим и бескрайним, а здесь превратилось в заплатку грязно-серого цвета. Запахи прачечной и уборной висели в воздухе.

Но она была на месте: на медной табличке рядом с черной дверью была выгравирована надпись «Эдинбургское Королевское Анатомическое общество». Несколько человек, слоняющихся вокруг, сжимали в руках листовки с объявлением. Хейзел с удивлением отметила, что большинство из них в самом деле выглядят как джентльмены. Она была втайне уверена, что Бернард прав и она добровольно отправляется в притон, где сплошь мошенники и театральные актеры. Но нет – здесь прохаживались цилиндры и туфли из хорошей кожи. Даже не вспомнив имен, она узнала в лицо одного или двух мужчин, знакомых ей по салонам в Алмонт-хаус, после чего затаила дыхание и отступила под прикрытие одной из влажных каменных стен, становясь невидимой. Но можно было и не утруждать себя. Мужчины были поглощены собственной важностью, и ни один даже намерения не имел смотреть на окружающих, хоть на сантиметр выпадающих из их поля зрения.

И тут колокола Святого Джайлса[4 - Собор Святого Джайлса (собор Святого Эгидия) – приходская церковь в Эдинбурге. Центр религиозной жизни города.] начали бить громче, чем Хейзел доводилось слышать, пробирая до самого нутра. Мужчины зашептались, еще мгновение топчась на месте, пока не открылась маленькая дверь, после чего они принялись, толкаясь, пробиваться ко входу.

Хейзел отступила, глядя, как нетерпеливо они рвутся вперед, со сдержанной холодностью приветствуя друг друга. А затем, среди всех этих пелерин и длиннополых плащей, Хейзел заметила знакомый силуэт, который заставил ее судорожно вздохнуть. Это был одноглазый доктор Стрейн, поставивший зуб бродяги ее дяде Алмонту. Он не видел ее, по крайней мере не подал вида, но Хейзел еще сильнее вжалась в каменную стену тупика – на всякий случай.

Прошло не меньше четверти часа, прежде чем все желающие попали внутрь, а сдавленные ругательства и приветственные восклицания стихли. Хейзел осталась одна в тупике, когда черная дверь захлопнулась.

Она выждет пять минут – полных, долгих пять минут, – прежде чем проскользнет внутрь. Она будет считать про себя, отсчитывать секунды, разглядывая застиранное белье, развешанное в окнах над ее головой. «А Старый город вовсе не так уж и плох», – подумала Хейзел. Мать рассказывала ей истории о страшных убийцах, прячущихся за каждым углом, бывших джентльменах, превратившихся в чудовищ под развращающим действием городской клоаки. По словам леди Синнетт, в Старом городе и квартала нельзя было пройти, не встретив с полдюжины монстров из грошовых ужасов. Но вот

она, Хейзел, всего-то семнадцать лет от роду, и она добралась сюда сама.

Ну, все. Пожалуй, пять минут прошли. Она проскользнет в дверь под прикрытием тени и лично увидит, как доктор Бичем – внук того самого доктора Бичема – будет демонстрировать то, что в объявлении называлось «революцией в хирургии». Из-за двери донесся отдаленный шум аплодисментов. Похоже, началось. Значит, сейчас самое время.

Однако обнаружилась проблема. Дверь была заперта. Хейзел дернула ее еще раз, надеясь, что дверное полотно чуть разбухло или перекосилось в раме, но нет. Она была крепко и надежно заперта. Хейзел осела на землю, не заботясь о том, что юбки могут вымокнуть на сырой мостовой. Она проделала такой путь впустую.

– Эй! – окликнул ее голос с другого конца тупика, но его обладателя скрывала тень. Хейзел подняла лицо, почти уверенная, что сейчас встретится с одним из матушкиных монстров.

Но это оказался парень. Парень, которого она видела недавно, сероглазый, с длинными темными волосами. Тот самый, что стоял рядом с Алмонт-хаус. Он скользнул к ней и протянул руку. Та была грязной, сквозь дыры в перчатке виднелись пальцы, но ногти оказались чистыми. Хейзел приняла ее и позволила парню помочь ей подняться.

Он откашлялся.

– Дверь запирается с началом демонстрации. Доктор Бичем терпеть не может, когда его прерывают.

Хейзел слабо ему улыбнулась.

– Это я уже поняла.

Парень откинул волосы с лица.

– Ты не зашла, когда было открыто. Я смотрел. То есть я не смотрел на тебя, но тебя тоже видел.

– Я надеялась, – сказала Хейзел, разглаживая юбки, – проскользнуть внутрь, когда демонстрация начнется. Чтобы не привлекать внимания. Полагаю, нечасто женщины приходят на такие мероприятия.

– Наверное, нет.

Хейзел ждала продолжения. Парень шаркнул ногой и попытался вытереть грязные руки о штаны. В итоге пришлось заговорить Хейзел.

– Я – мисс Синнетт, – произнесла она.

И, едва успев произнести свое имя, пожалела об этом. Губы парня изогнулись в легкой улыбке, и он отвесил ей поклон.

– Очень приятно, мисс Синнетт.

Все еще улыбаясь, он подошел ближе. Хейзел почувствовала, как жар ползет по шее к волосам.

– Теперь ваша очередь представиться.

Улыбка парня превратилась в усмешку, такую широкую, что можно было разглядеть его длинноватые клыки.

– Что, прямо сейчас? – переспросил он, но имени так и не назвал. Вместо этого сказал: – Если вам все еще интересно, что творится там, внутри, я знаю, как туда попасть.

– В анатомический театр?

Парень кивнул.

– Да! Пожалуйста! – Хейзел услышала, как звенит в собственном голосе волнение. – Я хотела сказать, если вас это не затруднит.

– Нисколько. Я не против.

Без промедления парень взял Хейзел за руку и потянул в переулок, влажные каменные стены которого пахли сыростью и потом, такой узкий, что до сих пор она его просто не замечала. Юбка Хейзел доставала до стен с обеих сторон. Парень двигался уверенно, то подпрыгивая, то огибая торчащие камни под ногами, так, словно был соткан из дыма. Остановившись у деревянной двери, он дважды резко стукнул. Дверь открылась изнутри, и парень мгновенно втянул Хейзел в темный коридор, освещенный светом единственного факела в конце.

- Ты здесь работаешь? - шепнула Хейзел, пока он тянул ее вперед. - На анатомов?

- В каком-то смысле, - ответил он, оглядываясь на Хейзел. Казалось, его серые глаза светятся в темноте, и, хотя в коридоре было душно, Хейзел внезапно охватила дрожь. - Вот сюда.

Они добрались до конца темного коридора. Из-за света факела лицо парня выглядело странно - сплошь углы и тени. До Хейзел донеслись близкие голоса - тихое бормотание, звучный, раскатистый баритон, - но слов было не разобрать.

- Если хочешь посмотреть, доктор здесь, - сказал он.

- А ты разве со мной не пойдешь? - спросила Хейзел.

- Не-а, - ответил он. - Я и в реальной жизни вижу достаточно страданий, чтобы еще смотреть, как какой-то доктор причиняет их под звуки аплодисментов.

Хейзел не поняла, шутит он или нет. По ту сторону двери раздался мужской крик. Даже в свете факелов Хейзел разглядела, как ее спутник приподнял бровь, словно говоря: «Видишь?»

Он чуть приоткрыл дверь, но в эту щель Хейзел не удалось разглядеть, что за ней. Она замялась.

- Все в порядке, - сказал парень. - С тобой все будет хорошо. Верь мне.

Хейзел кивнула и приподняла юбки, чтобы как можно тише проскользнуть мимо парня. Когда они оказались прижаты друг к другу меж узких стен коридора, он

отвел взгляд. Хейзел положила руку на дверную ручку и легонько нажала. Деревянная дверь беззвучно открылась, и Хейзел поняла, почему парень так уверен в том, что все будет в порядке: дверь вела под ряды, на которых сидели зрители. Ей приходилось смотреть между их ног в ботинках и сапогах, но вид на демонстрацию Бичема, до которого было менее двадцати футов, отсюда открывался идеальный.

Хейзел обернулась, чтобы поблагодарить, но парень уже скрылся во тьме.

Из «Руководства для джентльменов, готовящихся стать врачами» (1779), автор Томас Мерберри:

В восемнадцатом веке между хирургом и врачом-терапевтом разница весьма резкая и отчетливая. Врач может быть джентльменом, иметь высокое положение и значительный доход, доступ к образованию в медицинском колледже и соответствующие познания в латыни и искусствах. Его задача – консультировать и назначать лечение от различных болезней, как наружных, так и внутренних, а также обеспечивать пациентов необходимыми лекарствами и компрессами, способными принести облегчение.

Хирург же, напротив, чаще всего человек низкого социального статуса, понимающий, что блестящее знание анатомии может открыть ему путь к более высокому общественному положению. Он должен быть готов к работе с бедняками и инвалидами, с калеками, пострадавшими на войне или при других обстоятельствах.

Врач-терапевт работает головой. Хирург работает руками, грубой силой.

Он помог хорошенькой девушке. Сам не понимая зачем. Она была из богатеев, такие со всеми проблемами справляются монетой. Но Джек все равно был неподалеку. И бесчисленное количество раз пробирался в театр Анатомического общества с черного хода. Может, ему просто стало жаль ее, стоящую в переулке, такую одинокую, со щеками, пылающими то ли от холода, то ли от смущения. В последний раз, когда он ее видел в Новом городе, где дома ровные и блестящие, как новенький пенни, и трава растет аккуратными маленькими квадратиками, у нее на перчатке была кровь. Здесь, в Старом городе, она была не к месту.

Джек вообще не должен был слоняться у Анатомического общества в такое время, утром. Он уже сбыл свой товар Стрейну. Воскрешатели должны были исчезать с первыми лучами солнца, словно вампиры, которых подкармливают студенты-медики этого города. На доставку товара потребовалось больше времени, чем он ожидал, – Стрейн предложил ему на гиней меньше за то, что тело было недельной давности. Все так, но вины Джека в этом не было. Тела добывать было все сложнее и сложнее: ночная стража сжимала кольцо вокруг погостов Эдинбурга. Но торговаться со Стрейном, с его черной повязкой, восковой кожей и сальными волосами, не хотелось. Неудивительно, что общество поручило ему покупать тела: он и сам был похож на труп.

В любом случае девчонке он уже помог. Много времени это не заняло, и Джек не собирался больше задерживаться. На сегодня его торговля закончилась – в итоге ему пусть и неохотно, но заплатили полную цену – и теперь серебро весело звенело в его кармане. Пора было возвращаться на работу в Гранд Леон – театр в центре города, где он убирал сцену, чистил костюмы, чинил декорации и исполнял прочие поручения мистера Энтони. Сегодня, после вечернего представления, после того как Изабелла сотрет свой белоснежный грим, он пригласит ее выпить по кружечке, и может быть – может быть – она скажет да.

В анатомическом театре царила темнота, разгоняемая только светом свечей, висящих на стенах, и нескольких факелов, закрепленных на сцене. Сцена располагалась ниже зрительских рядов, чтобы обеспечить всем зрителям возможность видеть происходящее. Под уходящими вверх скамьями, спрятавшись в тени, Хейзел была практически невидимой. Сквозь дым и пару нетерпеливых ног она видела доктора Бичема на сцене, выбирающего нож с подноса, который держал в руках нервный ассистент.

Бичем оказался привлекательным мужчиной, сорока с лишним лет, в чьих светлых волосах мелькали редкие нити седины. Воздух в театре казался тяжелым и спертым, но на нем была длинная рубашка, камзол с высоким воротником, достающим до подбородка, и перчатки из черной кожи.

– Похоже, он никогда их не снимает, – прошептал мужчина, сидящий над Хейзел, приятелю. – Ни разу не появился без перчаток.

– Думаешь, боится крови на руках? – прошептал тот в ответ.

Какой бы ни была причина, перчатки остались на руках Бичема, даже когда он выбрал с подноса нож с длинным зазубренным лезвием и рукояткой из полированного серебра. Бичем улыбнулся ему, некоторое время полюбовался тем, как огонь свечей бликует на лезвии, и снова вернул на поднос. Казалось, он забыл, что стоит в театре, полном людей, которые следят за каждым его жестом. Хейзел так увлеклась, рассматривая его, что лишь через пару минут заметила лежащего перед ним на столе пациента, мужчину средних лет, с прикрытой лоскутом ткани ногой.

Наконец Бичем заговорил.

– Я обещал вам нечто экстраординарное, джентльмены, и именно это я сейчас и продемонстрирую. Мой дед основал это общество для того, чтобы выдающиеся мужи науки собирались вместе и делились своим опытом и открытиями. И сегодня я подтолкну Эдинбург в девятнадцатый век.

Продолжая говорить, он перевел взгляд на пациента на столе и размашистым движением сдернул ткань с его ноги.

Зрители дружно вздрогнули. Хейзел тоже резко вздохнула, чего, к счастью, никто не услышал. Нога мужчины выглядела кошмарно: воспаленная, зеленоватая в одних местах, красноватая в других, вдвое толще обычной ноги, да к тому же обвитая распухшими багровыми венами.

Доктор Бичем выбрал другой инструмент с подноса ассистента – пилу. Он поднял ее вверх, почти играючи, и теперь уже вздрогнул пациент.

– Ну-ну, мистер Батчер. Нет причин бояться.

Но мистер Батчер не готов был прислушаться к его словам. Он извивался, как червяк на крючке, пинаясь здоровой ногой, стуча больной и вертя головой из стороны в сторону. Бичем опустил руку с пилой и вздохнул. – Джентльмены, будьте любезны.

Из тени выступили двое мужчин, один в высоком цилиндре, другой с густыми рыжими усами. Они встали по обе стороны от стола, и каждый положил руку на плечо мистеру Батчеру.

– Еще до его сегодняшнего визита сюда я заверил мистера Батчера в том, что процедура будет практически безболезненной, но, похоже, он совсем мне не верит! – заявил Бичем. Джентльмены в зале засмеялись. – Но я бы не стал обманывать. Джентльмены!

Из внутреннего кармана камзола Бичем достал флакончик с мутной голубоватой жидкостью. Флакончик был размером с игральную карту. Бичем поднял его высоко над головой, чтобы показать всему залу.

– В этом флаконе, – провозгласил он, – будущее хирургии. Химическая смесь моей собственной разработки. Мой дед в своей книге писал, что иногда врач должен брать на себя обязанности аптекаря, и, последовав его совету, я обнаружил нечто экстраординарное. Это – джентльмены, если позволите, – не что иное, как чудо. – Зрители зашумели, недоверчиво и заинтригованно, несколько человек принялись стучать тростью по ступеням, но доктор Бичем продолжил: – Я единолично разработал секретный состав, снимающий боль при хирургических операциях.

На этот раз даже Хейзел не удержалась от смеха. Доктор Бичем с легкой улыбкой на лице обвел взглядом зал.

– Скоро, друзья мои, очень скоро. Но, прежде чем мы начнем, думаю, следует продемонстрировать вам еще одно из моих изобретений.

Он наклонил голову, и следом раздался хлопок, послышалось шипение, похожее на звук выпускаемого газа, а затем сцену залил ослепительный белый свет.

Хейзел прикрыла глаза рукавом. Один лишь Бичем даже не поморщился от внезапной вспышки. В темноте было незаметно, что сцену опоясывают соединенные между собой трубками газовые лампы, которые теперь давали такой яркий свет, которого прежде Хейзел в помещениях не видела.

– Будущее, – изрек Бичем, – за газовыми лампами. Я обнаружил, что, всего лишь с несколькими доработками, они весьма облегчают работу в операционной.

Зрители разразились аплодисментами. Бичем едва заметно склонил голову, принимая их восторг. А затем, как только толпа успокоилась, снова перевел взгляд на флакон в своей руке. Казалось, что голубовато-молочная жидкость в нем закручивается спиралью. Но теперь, в ярком свете ламп, Хейзел смогла разглядеть, что на самом деле она насыщенно-синего цвета с серебряными искрами. Газовые лампы светили так ярко, что ни Бичем, ни флакон, казалось, не отбрасывают тени.

Бичем поднял флакон выше и откупорил пробку. На мгновение Хейзел ощутила странный сладковатый запах – смесь полевых цветов и гнили. Затем из другого кармана камзола доктор достал белый платок с вышитыми инициалами У. Б. словно фокусник, он взмахнул платком, прежде чем прижать его к горлышку флакона. Когда он отнял платок, до Хейзел снова на мгновение донесся смрад от гнилых цветов. Из флакона доносился еще какой-то запах, что-то специфичное, что именно, Хейзел не смогла распознать.

Доктор Бичем подошел к объятому ужасом пациенту, держа платок в руке. Несмотря на то что его держали двое крепких мужчин, тот извивался изо всех сил. Бичем улыбнулся, не разжимая губ.

Затем повернулся к зрителям.

– Джентельмены, представляю вам эфириум. Или, как я привык называть его в лаборатории, «хитрость шотландца».

Смущенные и удивленные возгласы заполнили зал. Несколько человек принялись топтать ногами, отчего Хейзел на голову упал паук.

Не обращая внимания на попытки пациента вырваться, доктор Бичем плотно прижал платок к его лицу, заглушая крики. Пациент затих. Затихли и ряды зрителей. Бичем изящно подхватил хирургическую пилу с подноса ассистента и принялся отпиливать изуродованную конечность.

Потребовалось менее пяти проходов взад и вперед и около минуты времени, прежде чем нога с отвратительным влажным шлепком упала на опилки внизу. На лице Бичема не дрогнул ни единый мускул, даже когда струя крови прочертила ярко-красную линию от его лба к верхней губе. Он сменил пилу на длинный металлический инструмент с крюком на конце и вытянул несколько кровоточащих вен, торчащих из ноги пациента. Каждую из них он завязал аккуратным двойным узлом, после чего кивнул другому ассистенту, который принялся бинтовать кровоточащий обрубок тканью.

Ни разу за всю операцию пациент не дернулся и не вскрикнул. Он спал как младенец, видя приятные сны.

– «Хитрость шотландца», джентельмены, – негромко произнес доктор Бичем.

Зал взорвался шквалом аплодисментов. На Хейзел упали еще несколько пауков. Виноват ли был угол зрения, или освещение, или выражение превосходства на его лице, но Хейзел увидела, как сильно этот доктор Бичем похож на гравюру с изображением его деда с первой страницы «Трактата доктора Бичема». Небольшой нос, нависшие брови, даже глубокие ямочки, появляющиеся на лице при намеке на улыбку. Это было жутковато. Но очевидно. Единственным отличием была кровь, все еще медленно стекающая по подбородку живого Бичема.

Ассистенты Бичема принялись убирать сцену, вытерли кровь со стола и унесли прочь искалеченную ногу. Опилки там, где упала нога, так потемнели от крови, что казались черными даже в гротескно-ярком свете газовых ламп. К тому

времени, как они закончили, пациент заморгал, приходя в себя.

- Все?.. - спросил он.

- Закончилось, - подтвердил доктор. Зал снова разразился аплодисментами.

Голова Хейзел кружилась от духоты, от медного, оглушающего запаха крови и от всего увиденного. Хирургическая операция! Прямо у нее на глазах! Плоть, поврежденная, запятнанная болезнью, была отрезана, открыв чистую, здоровую под ней, вены и артерии были мастерски зашиты вышивальной иглой. И самое потрясающее - этот эфир, чем бы он ни был, который погрузил пациента в глубокий сон.

Наконец Бичем поднял руку, чтобы утихомирить разбушевавшийся зал.

- В этом семестре снова начинается мой курс лекций по анатомии. Оплата вносится целиком в первый день занятий. Предупреждаю, курс невероятно сложный, но могу вас заверить: ни один из моих учеников не провалил свой врачебный экзамен.

Он улыбкой встретил очередную волну аплодисментов.

Учеба! Вот он - тот ответ, который Хейзел искала, даже не понимая, что ищет. Невидимая струна, которая привела ее сюда из Хоторндена именно в этот момент. Не нужно больше тайком пробираться в отцовский кабинет, чтобы заучивать уже устаревшее издание «Трактата доктора Бичема» с рассыпавшимся переплетом, или проводить мелкие опыты с оборудованием, собранным в саду. Она может целый семестр учиться у настоящего хирурга, исследуя тела, решая задачи. Она может стать той, кто найдет лекарство от римской лихорадки! Она станет спасительницей Шотландии - как матушка сможет отчитать ее, когда она станет знаменитой и почитаемой?

Даже отец на Святой Елене получит весточку, в письмах или из газетных статей. Изгнанник - Наполеон - умрет от потрясения при известии о появлении блестящего врача-женщины, и на этом служба ее отца закончится и он сможет вернуться домой. Если матушка полагает, что Хейзел теперь отправится в Лондон, она глубоко ошибается. Ни за что. Ее придется привязать к лошади, чтобы увезти из Эдинбурга в такой момент, когда наконец наступает

девятнадцатый век и у Хейзел есть шанс поторопить его наступление!

Хейзел решила, что безопаснее будет дождаться, пока зал опустеет, и лишь затем выбираться по темному коридору из здания и выходить на улицу. Толпа начала медленно рассасываться, лишь около дюжины мужчин толкались на сцене, стремясь пожать руку доктору Бичему, будто надеялись, что гениальность и значимость передаются через рукопожатие.

Наконец воздух в зале изменился, словно все зрители покинули театр. Ассистенты закончили вытирать стол, а затем, вместе с доктором Бичемом, ушли в заднюю комнату. Хейзел нащупала скрытую дверь, потом пробралась по узкому коридору и снова оказалась на улице.

Уже смеркалось. Хейзел понятия не имела, сколько длилась демонстрация, но город вокруг нее изменился. В воздухе висел густой запах жира и рыбы. Хейзел нужно было поскорее добраться до дома. Скорее всего, она уже пропустила чай, и мать наверняка будет в ярости, но Хейзел может соврать, что заблудилась в лесу или что-нибудь вроде того. Она поскачет как можно быстрее и...

– Мисс Синнетт, не так ли?

Голос, скрипучий и в то же время приторно-вежливый, прервал ее мысли.

Хейзел обернулась и оказалась лицом к лицу с одноглазым доктором, которого встретила в доме дяди.

– Доктор Стрейн.

Сердце Хейзел выпрыгивало из груди, когда она пыталась изобразить нечто похожее на книксен.

Доктор оказался ниже, чем ей представлялось. Осанка, манера поведения и длиннополый плащ делали его похожим на стервятника, но, оказавшись на расстоянии ярда от него, Хейзел с удивлением поняла, что они почти одного роста.

– Содрогаюсь при мысли о том, как юная леди вашего статуса могла оказаться в Старом городе. – Он поджал губы и прищурил единственный глаз. – Без компаньонки.

Руки Хейзел стали влажными от волнения. Она изобразила на лице вежливую улыбку, заставив себя не смотреть на дверь Анатомического общества.

– Просто прогуливаюсь, наслаждаясь погожим деньком, – сказала она.

По его лицу было ясно, что он счел ее слова откровенной ложью. Доктор Стрейн размял пальцы. Скрипнули кожаные перчатки.

– Какая жалость, – сказал он, – что женщин не принимают в Анатомическое общество. Я всегда считал, что прекрасный пол оказывает, эм... успокаивающее действие на животные порывы мужчин.

– Именно, – сухо подтвердила Хейзел.

Взгляд Стрейна, казалось, пронзал ее насквозь – через одежду, через кожу, до самых костей.

Наконец он снова заговорил.

– Передайте дяде мои наилучшие пожелания.

Он повернулся на каблуках и, не успела Хейзел ответить, скрылся из виду.

Улицы и в самом деле стали совсем другими. Стало еще темнее, и из каждого окна скалились лица незнакомцев. Хейзел подобрала юбки и поспешила выбраться на главную улицу, где булыжники мостовой все еще освещались последними лучами заходящего солнца.

К тому времени, как Хейзел добралась до Хоторндена, из всего дома огонь горел лишь на кухне. Она взяла свечу, чтобы незаметно проскользнуть в свою спальню наверху. Кухарка играла в карты с судомойкой; Хейзел видела их тени, падающие на стену галереи, и слышала кухаркин раскатистый смех. Она поднялась по лестнице и увидела, что дверь в комнату леди Синнетт заперта.

Горничная Хейзел, Йона, дремала в кресле перед едва тлеющим камином. Но тут же проснулась и помогла Хейзел расшнуровать платье и улечься в постель.

– Так вы?.. – начала было она. Хейзел покачала головой. Внезапно на нее навалилась такая усталость, что даже говорить было трудно. Все волнения этого дня разом обрушилась на нее, заставив конечности налиться свинцовой тяжестью.

Лежа ничком на матрасе, Хейзел снова и снова вспоминала демонстрацию, пытаюсь воскресить в памяти каждую деталь, заставить их врезаться в мозг. И лишь за секунду до погружения в сон, когда с реальностью ее связывала тоненькая нить, она внезапно поняла, что за третий запах доносился из сапфирового флакона с эфириумом. Это воспоминание хранилось глубоко в памяти, в ее загадочных, запутанных лабиринтах, с того времени, когда Хейзел лежала в этой самой кровати, полуживая от тошноты и обезвоживания. Она была уверена, что болезнь заберет ее. От волшебного флакона доктора Бичема пахло цветами, гнилью и смертью.

8

Хейзел ожидала по меньшей мере сурового выговора, березовых розог по костяшкам или даже яростного «Вот подожди, расскажем обо всем твоему отцу, он будет в гневе». Конечно, когда ее мать отвлекалась от траура по Джорджу, ее настолько поглощала забота о Перси, что она ничего дальше своего кринолина не видела, но все же... определенно, за то, что Хейзел натворила, должно было последовать хоть какое-то наказание.

Но нет. Проснувшись поздно на следующее утро, когда солнце уже вовсю пробивалось сквозь занавеси, она обнаружила, что мать все еще не выходила из комнаты. Йона сказала, что прошлым вечером леди Синнетт не спускалась к ужину.

Мать никогда так себя не вела до смерти Джорджа.

Когда Джордж был еще жив – и их с Джорджем отец был дома, кстати сказать, – они были, ну, обычной семьей. Чаепития в библиотеке. Вечерние чтения у камина. Рождественские праздники в Алмонт-хаус. Тайные послеобеденные прогулки с отцом к крошечному ручейку за рощей у Хоторндена, когда отец рассказывал ей о всевозможной живности, мелькающей в кустах. Но затем последовало назначение отца – очень престижное назначение, как сразу заявила им леди Синнетт, – и лихорадка, унесшая жизнь Джорджа. Теперь в доме их было трое: Хейзел, ее мать и Перси. Перси, маленький принц, избалованный до мозга костей, гордость и радость их матери, попал под самый пристальный и тщательный присмотр, словно драгоценная жемчужина в раковине, чтобы ни в коем случае не заболеть – как Джордж. Теперь все свое время и внимание леди Синнетт посвящала Перси – его учебе, его одежде, воздуху, которым он дышит, а к Хейзел обращалась чаще всего для того, чтобы спросить, не видела ли та Перси.

Увидела мать Хейзел лишь пару дней спустя, когда та устроила шум из-за поданного Перси к завтраку бекона. Хейзел незамеченной проскользнула на свое место, пока леди Синнетт вытирала жир со щек Перси платком.

Но затем, к удивлению Хейзел, мать повернулась к ней.

– Бекон, дорогая? – спросила леди Синнетт, протягивая ей тарелку затянутой в черную перчатку рукой.

Со смерти Джорджа прошло уже больше года, но мать по-прежнему носила полный траур. Платье на ней было из черной тафты, с приколотой на груди брошью с локоном Джорджа.

Хейзел с опаской приняла тарелку. Все это походило на ловушку. Если так и есть, петля вот-вот затянется. Возможно, мать на самом деле заметила ее отсутствие, и наигранное безразличие было уловкой, призванной усыпить бдительность Хейзел, внушив ложное чувство безопасности.

– Перси, дорогой, почему бы тебе не отправиться наверх и не сказать мастеру Полия, что пора начинать ваш урок? – с улыбкой прожурчала леди Синнетт.

Перси кинул подозрительный взгляд на сестру, но все-таки послушался и с весьма довольным видом ускакал из столовой.

Леди Синнетт с наигранной непринужденностью поднесла чашку с чаем к губам.

– Знаешь, Хейзел, в театре – Ле Гранд Леон, само собой, – сегодня премьера. Прелестная танцевальная пьеса, насколько я знаю. Я подумала, что мы с тобой могли бы сходиться.

Хейзел чуть не подавилась откушенным кусочком тоста.

– Мы с тобой? Вместе?

– Да, конечно, – подтвердила леди Синнетт. – Разве матери не следует посещать светские мероприятия вместе с дочерью?

– Полагаю, следует. А чем займется Перси?

– Перси слишком мал для театра, милая. Кроме того, кто знает, чем он может заразиться в этом театре. Он прекрасно проведет время с миссис Гербертс. Глупо с твоей стороны спрашивать о таком. – Леди Синнетт подождала ответной реплики Хейзел. Когда той не последовало, она продолжила: – Что ж, чудно. Скажу Йоне, чтобы приготовила твое новое шелковое платье. Малахитово-зеленое. Оно делает твои глаза, выразимся так, не совсем карими.

Значит, Хейзел все-таки не грозили неприятности. От облегчения она смогла лишь кивнуть.

Леди Синнетт приняла это за согласие и довольно улыбнулась.

– Знаю, я все еще в трауре, но полагаю, что могу надеть жемчуга моей матушки и то изумрудное кольцо, которое подарил твой отец. Купил его, когда мы были помолвлены. Понятия не имею, где он нашел деньги, ведь был тогда всего лишь лейтенантом. А я – дочерью виконта, которую так поглотили мечты о романтике и, – тут она коротко, печально усмехнулась, – любви. Знаешь, я выросла в Алмонт-хаус, у нашей семьи была летняя резиденция в Девоне и апартаменты в Лондоне, чтобы проводить там сезон. – Она заметила странное выражение

лица Хейзел. – Почему ты смотришь на меня как кошка, застрявшая на карнизе? Не морщи лоб.

Хейзел заставила себя сделать глоток чая.

– Просто думаю, что ты разговариваешь со мной так долго впервые, – она знала, что Джорджа упоминать нельзя, – с отъезда отца.

Леди Синнетт усмехнулась.

– О, да ладно, Хейзел. Глупость тебе не к лицу.

Они еще пару мгновений посидели в тишине, нарушаемой лишь постукиванием вилок по фарфору да изредка треском поленьев в камине. Когда леди Синнетт снова заговорила, голос у нее стал совсем другим: низким и серьезным. В лицо Хейзел она не смотрела. Вместо этого уставилась в окно на укрытое туманом поле и конюшни вдалеке.

– Хейзел, когда твоего отца не станет, – произнесла она, – поместье перейдет к Перси. Тебе это известно. Все это – дом, собственность, все его деньги, все деньги, что я принесла, вступая в брак, – все достанется Перси.

Тут, как по заказу, раздался топот и смех Перси, носящегося по верхней галерее. Эти звуки эхом разлетались по дому.

– Я говорю об этом, – продолжила мать, тщательно подбирая слова, – чтобы ты понимала: тебе надлежит добиться формального предложения от твоего кузена, и чем скорее, тем лучше.

Хейзел рассмеялась.

– Формального? Матушка, мы с ним фактически помолвлены с тех самых пор, как были детьми.

Леди Синнетт не разделяла ее веселья. Наоборот, сильнее поджала тонкие губы.

– Так он уже попросил твоей руки?

– На самом деле нет, но...

– Не рискуй своим будущим. Так можно лишиться всего. – Леди Синнетт позвонила в колокольчик, чтобы пришли убрать со стола. – Я выпью чаю у себя в комнате, – сказала она, поднимаясь и направляясь к выходу. И, обернувшись к Хейзел, добавила: – Вели Йоне потуже зашнуровать корсет сегодня вечером. Пусть ушьет лиф, если потребуется. Позволь Бернарду сегодня увидеть в тебе женщину, а не товарища по детским играм.

В камине треснуло прогоревшее полено. Бекон внезапно комом встал в горле Хейзел.

К тому времени, как Хейзел с матерью прибыли в Ле Гранд Леон, большинство экипажей уже высадили своих пассажиров. Леди Синнетт была в сером платье с не по моде длинными рукавами. А на Хейзел было красное платье. Обычно она такое бы не надела – шелковое платье с вышивкой жаккардом по подолу и рукавам, которое мать когда-то привезла из Парижа, – но у нее все внутри переворачивалось при взгляде на зеленое платье, разложенное Йоной на кровати. Что-то подтолкнуло ее к красному, спрятанному в самой глубине ее гардероба. Она и забыла о нем. Его юбка была мягче кринолина, и оно нежно облегло плечи.

– Леди Синнетт, вы прекрасно выглядите!

Впечатляющая грудь Гиацинт Кальдуотер возникла прямо перед лицом Хейзел, когда они с матерью поднимались по лестнице Ле Гранд Леона. Миссис Кальдуотер пережила уже двух мужей и, судя по всему, вышла на охоту за третьим. У ее платья шокирующе-розового цвета был невероятно глубокий вырез. Щеки были ярко нарумянены, что сочли бы неподобающим даже для женщины вдвое моложе нее.

Лицо леди Синнетт напряглось, как натянутый барабан.

– Миссис Кальдуотер, какая приятная встреча, – процедила она, всем видом опровергая свои слова.

– Мы не виделись вечность! Все еще носите траур? Ох, бедняжка. Так приятно видеть, что вы снова выходите в люди. Вы так и не пригласили меня на чай, как обещали, я не забыла! Ха-ха-ха! И о-о-о-ох! – Миссис Кальдуотер окинула Хейзел взглядом и восторженно взвизгнула. – Это же не Хейзел? Нет. Нет! Это невозможно! Как она выросла. Клянусь, теперь она настоящая взрослая леди! Вы же не прячете ее, правда?

Леди Синнетт кинула взгляд за спину миссис Кальдуотер, словно надеясь найти других, более подходящих собеседников.

– Нет, – сказала она отсутствующе, – боюсь, Хейзел просто слишком любит читать и старается не покидать Хоторнден, если нет необходимости.

– Любит читать. Очаровательно. И что же вы читаете, моя милая? Романы?

Прежде чем ответить, Хейзел посмотрела на мать.

– Только что начала «Антиквара» Уэйверли. Отец заказал и прислал его мне.

Миссис Кальдуотер всплеснула руками.

– Какая она умница, Лавиния.

Мать потянула Хейзел за руку.

– На самом деле нам пора занять свои места.

Гиацинт Кальдуотер крикнула им вслед:

– И не забудьте про чай, Лавиния, я буду возмущена, если вы продолжите избегать меня!

– Ужасная женщина, – прошептала леди Синнетт, пока они с Хейзел пробирались сквозь толпу людей. – О, посмотри, там Бернард и твой дядя!

Подошедший Бернард тут же поклонился Хейзел и леди Синнетт.

– Надеюсь, ты в добром здравии, Хейзел? Должен заметить, что красный тебе очень к лицу.

Хейзел не смогла даже выдавить улыбку. Она смотрела на Бернарда, а перед глазами стояло то пустое, самодовольное выражение его лица, увиденное ею на прогулке. «Когда мы были детьми», – сказал он тогда. Если бы он только знал, на что она способна! Если бы знал, что она видела!

Леди Синнетт больно пихнула Хейзел в бок.

– В добром, благодарю, кузен.

– Надеемся, нам удастся увидеть тебя в Лондоне во время сезона, Бернард? – быстро спросила мать Хейзел, улыбнувшись по-змеиному тонко. – Хейзел так ждет бал-маскарад, который герцог всегда устраивает в Дельмонте, не правда ли, дорогая?

Хейзел отвела взгляд.

– М-м-м, – протянула она.

– Ни за что бы не пропустил, – сказал Бернард. – О! Похоже, отец зовет меня в нашу ложу. Прошу прощения, леди.

Он снова поклонился и скрылся в толпе.

Хейзел с матерью поднялись по лестнице к собственным местам, в ложу в правой верхней части театра. Сцену скрывал тяжелый и пыльный занавес из ядовито-зеленого бархата. Оркестр еще настраивался, и Хейзел воспользовалась возможностью окинуть взглядом толпу, чтобы увидеть, кто еще пришел сегодня.

Бернард и лорд Алмонт сидели в ложе напротив, рядом с – ну надо же, из всех людей – близнецами Хартвик-Эллис, Сесилией и Гиббсом. Хейзел не видела Сесилию довольно давно – когда же в последний раз? На балу у Моррисов? Это было еще до начала лета. Сесилия стала выше; шея у нее теперь была длинная и тонкая, как у журавля. Она всегда была светловолосой, а сегодня ее золотистые волосы были завиты в мелкие колечки с двух сторон. Хейзел не могла их не заметить, как, впрочем, и все остальные: Сесилия трясла ими из стороны в сторону, пытаясь заставить блеснуть на свету, и смеялась как одержимая. Ее брат, Гиббс, как обычно, имел угрюмый вид. Он тоже был блондином, его глаза, нос и рот казались слишком маленькими для лица, похожего на обеденное блюдо.

– Сесилия хорошо выглядит, – обратилась Хейзел к матери.

Леди Синнетт не ответила. Ее взгляд, словно клинок, пронзал Сесилию и, Хейзел заметила, Бернарда. Бернарда, который, похоже, смеялся вместе с Сесилией, счастливо избегал атак ее кудряшек и добродушно похлопывал ее по затянутой в перчатку руке, когда она сжимала его руки в своих. Они что... флиртуют? Это же невозможно. У Сесилии Хартвик-Эллис индивидуальности не больше, чем у миски с рисовым пудингом. Эти двое – Сесилия с Гиббсом – вероятно, не смогли бы сосчитать до пяти, если бы начали с четырех. И, определенно, не осилили и пяти книг даже на пару.

В этот момент Сесилия издала настолько глупый и нелепый смешок, что Хейзел услышала его через весь театр. А Бернард... Бернарду, похоже, это нравилось. Заливший его шею румянец плавно подбирался к щекам. Он как-то по-новому уложил сегодня волосы, они были зачесаны вперед, и баки стали длиннее, словно он пытался копировать скандально известного поэта лорда Байрона. Бернард прошептал что-то на ухо Сесилии, и та снова рассмеялась, откидывая голову назад и трясая кудряшками. Хейзел с трудом могла выносить эту картину. И даже затруднялась сказать, за кого ей стыдно сильнее.

Наконец свет в театре потускнел, и оркестр заиграл нечто тоскливое, похоронное, в минорном ключе. Разошедшиеся кулисы открыли практически пустую сцену. Задник изображал мрачную, туманную, серо-коричневую пустошь, с фальшивым, скрюченным, иссохшим деревом и низко висящей оранжевой луной. Рыжеволосая танцовщица в белом летящем платье, похожем на ночную рубашку, порхала по сцене. Вскоре к ней присоединился мужчина, судя по всему, изображающий ее мужа. Хейзел постаралась сосредоточиться на сюжете

и не обращать внимания на то, что происходит в ложе напротив. В танце рассказывалось, что муж девушки отправился на какую-то далекую, непонятную войну, и та погрузилась в печаль, кружась по сцене и протягивая руки к небесам – а точнее, наверх, к стропилам. Каждый день девушка стояла у окна, ожидая своего возлюбленного, и каждый день ее постигало новое разочарование.

А затем мужчина все-таки появился, одетый в черное, с усами как у злодея и темными, коварными глазами. На нем был камзол ее возлюбленного. Возможно, это и есть ее возлюбленный, вернувшийся с войны, думает женщина. Они танцуют вместе, она поддается соблазну. Но во время танца костюм слетает с таинственного мужчины. Оказывается, это вовсе не ее муж – это сам Дьявол. Вне себя из-за своего невольного предательства женщина выхватывает кинжал из ящика стола и вонзает себе в грудь. Красные ленты, призванные изображать кровь, струятся на сцену. Танцовщица падает. Ее настоящий муж возвращается домой, но находит лишь хладное тело любимой. Занавес опускается. Трагедия.

«Довольно топорная работа», – подумала Хейзел. Но Ле Гранд Леон никогда не славился утонченностью. В прошлом месяце они представляли другую историю, с почти таким же сюжетом – красивая, добродетельная, юная девушка погибает – только в тот раз причиной был заграничный вампир, соблазнивший ее золотом и драгоценностями, чтобы получить ее сердце.

Именно этому всех девушек учат с самого рождения – не поддавайтесь соблазняющим вас мужчинам, берегите свою добродетель, – хотя, по сути, вся их жизнь зависит от способности соблазнить правильного мужчину. Невозможная ситуация, парадокс самого общества: заставлять женщину зависеть от милости любого мужчины, который ее захочет, но стыдить за то, что она пытается заставить мужчину хотеть ее. Пассивность – безусловная добродетель. Упаси Боже превратиться в кого-то вроде Гиацинт Кальдуотер. Будь терпелива, тиха, красива и нетронута, как нежный цветок, и тогда, только тогда, тебя настигнет награда – безопасная жизнь под стеклянным колпаком.

Леди Синнетт судорожно сжимала ручку своего кресла на протяжении всего представления. Не успели отгреть аплодисменты, она сдернула Хейзел с места, протащила по лестнице, вывела из театра и запихнула в экипаж.

Дождалась, пока они отъедут от театра на достаточное расстояние и свернут на проселочную дорогу, ведущую к Хоторндену, и лишь тогда повернулась к Хейзел.

- Ты имеешь, - процедила она сквозь стиснутые зубы, - хоть малейшее представление о том, что с тобой будет?

- Что ты хочешь сказать? - спросила Хейзел.

Леди Синнетт тяжело сглотнула и плотнее сжала губы.

- Этот мир не слишком добр к женщинам, Хейзел. Даже к таким, как ты. Да, твой дед был виконтом, но я была всего лишь дочерью, а это значит очень мало. Твой отец владеет Хоторнденом, и когда он... когда твой отец умрет, Хоторнден отойдет Перси. Знаешь, что случается с незамужними женщинами?

Хейзел сдвинула брови.

- Полагаю... То есть...

Леди Синнетт прервала ее коротким, горьким смешком.

- Негде жить. Во всем зависишь от родственников. От милости младшего брата и той, на ком он решит жениться. Выпрашиваешь у невестки крохи уважения и молишься, чтобы она оказалась достаточно добра.

Хейзел не знала, что сказать. Просто сидела, уставившись на свои колени.

А мать продолжала, указывая на свою вдовью вуаль.

- Я понимаю... понимаю, что с тех пор, как Джорджа нет с нами, я, должно быть, уделяю тебе недостаточно внимания. Наверное, я зря не подчеркнула всю важность твоего брака с Бернардом Алмонтом, потому что полагала, тебе это известно.

- Известно.

– Да, я тоже так думала. Умная девушка, много читает. Немногие будут столь же снисходительны к твоим маленьким... причудам... как твой кузен. Те книги по естественной философии, что ты таскаешь из кабинета отца. Ничего этого не будет, когда мы отправимся в Лондон. Ни капли не сомневаюсь, что Сесилия Хартвик-Эллис не пачкает свои платья в грязи – и руки книжными чернилами.

– Только потому, что не умеет читать, – буркнула Хейзел в стекло дверцы экипажа.

Леди Синнетт фыркнула.

– Что ж, отныне твоя судьба в твоих руках. Я поделилась с тобой всей доступной мне материнской мудростью.

Всю остальную часть поездки они провели в молчании. Хейзел уставилась в темноту за окном и наблюдала за тем, как голые ветви деревьев лупят по стеклу экипажа, в котором они ехали из города домой.

9

Перед сегодняшней премьерой пропали двое рабочих сцены. Джек ворчал, выполняя их работу перед представлением, развешивая по местам костюмы, проверяя лампы по краю сцены. Ему нравилось на своем месте, высоко под потолком, на стропилах, где он всегда был готов поднять занавес по знаку мистера Энтони.

Изабелла растягивалась за кулисами, уже напудренная, в своем летящем муслиновом наряде. Джек подумал о том, какая она сейчас красивая, с убранными в высокую прическу золотыми волосами и нарумяненными щеками. Но Джеку она всегда казалась красивой. Он каждое представление сидел на стропилах, высоко над сценой, глядя на нее – любуясь, как она скользит по сцене, словно рыба в воде. Легко. Обернувшись, она поймала его взгляд и

улыбнулась. Джек ответил улыбкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Princes Street Gardens (в пер. с англ. – «Сады Принцесс-стрит») – городской парк в центре Эдинбурга (Шотландия). Располагается в центре города, занимая низину между Старым и Новым городом.

2

Могильные клетки, или мортсейфы, – приспособления для защиты от доступа к месту захоронения на кладбищах и погостах. Начали изготавливаться в Великобритании для защиты от похитителей трупов, кладбищенских мародеров.

3

Эдинбург получил такое прозвище (Auld Reekie) в XVII веке из-за сочетания смрадных испарений от озера Нор-Лох и смога от городских очагов.

Собор Святого Джайлса (собор Святого Эгидия) – приходская церковь в Эдинбурге. Центр религиозной жизни города.

Купить: https://tellnovel.me/ru/shvarc_dana/anatomiya-lyubvi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)